

МАРИ АНАТОЛЬ

Красное небо

СБОРНИК РАССКАЗОВ

12+

Мари Анатолий
Красное небо.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56335628

SelfPub; 2020

Аннотация

Это сборник историй, очень разных по жанру и стилю, по месту действия и возрасту героев. Некоторые основаны на реальных событиях, другие полностью вымышлены. Что их объединяет? Наверное, любовь к жизни – с её радостью и болью, с чёрными и белыми её полосами, с потерями и находками, с падениями её и взлётами.

Содержание

Красное небо	4
Тени	8
Ты справишься	12
Загадочное фото	16
Жертвоприношение	18
Перемещение	22
Харбор Вейв – Harbour Wave	28
Ожидание	42
Ещё один шанс	45
Вера	51
Письмо из прошлого	57
Путь к мечте	60
Спасти Кэролайн	65
Всё ещё будет...	70
Однажды в лифте	75
Подарок	79

Красное небо

(из серии

"Калифорнийские этюды")

Какое невероятно красное небо было сегодня на закате! Калифорнийские закаты, несомненно, достойны великолепных стихов, лирических песен и сумасшедших картин. Я давно мечтала написать такую картину, выплеснуть на холст всё это буйство красок и эмоции, что оно пробуждало... Было бы время.

Я неслась по шоссе, которое струилось серой лентой вдоль рыжего берега и отделяло зелёные, ещё не выгоревшие на знойном солнце, холмы от глубокой синевы океана. Я спешила забрать детей из школы. Занятия уже закончились и они наверняка будут переживать, если я опоздаю. А я опаздывала. Всё потому, что никак не могла закончить эту картину с закатом. Она не отпускала меня, я совсем потеряла счёт времени. И теперь пыталась нагнать его, вдавливая в пол педаль газа. Удивительно, что вот оно, это небо – сейчас распахнулось прямо передо мной: нереальное, розово-красно-пурпурное, с лёгкой рябью фиолетовых облаков. Бери и рисуй!

Не знаю, откуда он выскочил. Заглядевшись на небо, я его не заметила, только почувствовала, ощутила нутром ка-

кую-то стремительную чёрную тень. Удар! Яркая вспышка света и темнота...

Я сижу у костра, протягивая тонкие руки к огню, и задумчиво смотрю на оранжевые языки пламени, исполняющие свой странный, причудливый танец. Они танцуют под звуки гитары, что держит в руках наш учитель. Он ласково перебирает загрубевшими пальцами звенящие струны. Музыка завораживает, настраивает на лирический лад. Печёная картошка давно съедена, рюкзаки сброшены в палатки и мы сидим притихшие, задумчивые и мечтательно смотрим на огонь.

Учитель откладывает гитару и начинает беседу. Его беседы всегда очень серьёзные, взрослые. Он говорит с нами о смысле жизни, о любви и смерти, юности и старости, и много ещё о чём, чего мы в свои шестнадцать лет пока совсем не понимаем. Но очень хотим постичь. И потому, слушаем его, затаив дыхание. А затем нас прорывает. Мы хотим высказать, выплеснуть в круг костра все те чувства и эмоции, что бурлят в наших юных сердцах.

– Я хотела бы жить долго-долго! Чтобы увидеть своих праправнуков, – говорит моя подруга Наташка. – Это же невероятно интересно! Они же будут, наверное, совсем другими, не такими, как мы...

– Это сколько же ты жить собираешься, Петрова? – с лёгкой насмешкой спрашивает Миша Рагунович, наш "ботак"

ник".

– Ну, лет сто пятьдесят хотя бы! – весело парирует Наташка, вызывая всеобщий смех.

– Наталья, а тебя не пугает старость? – учитель всегда задаёт вопросы с подвохом. Но Наташку легко не возьмёшь:

– Нет! – уверенно отвечает она. – Старость – это же мудрость. А я очень хочу быть мудрой!

Все смеются, дружелюбно, без злобы. С Константином Ивановичем вообще никто не позволяет себе быть злобным. Критически мыслящим – да! Спорящим – обязательно. Но ни в коем случае не враждебно настроенным против других.

– А я не хочу долго жить... – произношу я неожиданно для самой себя. – Лет до сорока и хватит. Дальше – уже старость...

Мне эта мысль кажется вполне логичной. Она поднимает гул голосов. Мальчишки одобрительно шумят. Девчонки, скорее, осуждают. А учитель серьёзно смотрит мне прямо в глаза и спрашивает:

– Ты боишься старости, Татьяна?

– Да, боюсь, – отвечаю я задумавшись. – Я хочу прожить яркую и интересную жизнь. Ну и пусть она будет короткой. Я не хочу болезней, страданий и немощности. Неспособности что-то делать. Пожалуй, этого я боюсь больше всего...

На долгие годы я забыла про этот эпизод у костра. Про странный, задумчивый взгляд учителя. Про свои слова, ставшие пророчеством. Через неделю мне должно было испол-

ниться сорок.

Жизнь моя, действительно, была яркой и интересной. Я меняла города и страны, профессии и увлечения, изучала языки и пыталась найти себя. В далёком краю обрела свою судьбу. У меня был любящий муж и долгожданные дети, в которых я не чаяла души и готова была раствориться без остатка! И наконец, у меня появилась возможность рисовать. Давняя мечта детства, на которую всю жизнь не оставалось времени. Невероятная природа Калифорнии подтолкнула меня к этому, побудила снова взять кисть в руки. Я вновь ощутила смелость художника, испытала это невероятное чувство вдохновения...

...Я с трудом разомкнула глаза. Красное небо, опрокинувшись, накрывало меня, засасывало, поглощало в себя...

"Нет, не сейчас! – мне хотелось закричать от страха и боли. – Слишком рано! Я только ощутила вкус этой жизни. У меня столько планов. Дети ещё совсем маленькие. Как я могла тогда решить, что сорок лет – это уже старость? Какая глупая я была, как ошибалась! Господи, как хочется жить!"

Тени

(из сборника
"НезаРазные истории")

Я часто видел этого старика в парке, когда по вечерам гулял с собакой. Он всегда сидел на одной и той же скамейке в самой глубине аллеи и, казалось, ждал кого-то. Всё в его фигуре выдавало нетерпение, свойственное старикам в моменты особого волнения. Он то и дело поглядывал на часы, подслеповато щурясь сквозь очки в толстой роговой оправе. Поправлял туго затянутый под самую шею галстук, отряхивал старые, но тщательно отутюженные штанины. Шляпу он мял в руках, постоянно поправляя узловатыми пальцами седые волосы. Было видно, как его волнение нарастало с приближением сумерек.

Мне нравилось наблюдать за стариком и фантазировать. Интересно, кого он может здесь так долго поджидать каждый день? Я делал большой круг по парку, играл с Джеком на лужайке, бросал ему то палку, то мячик. Так проходило не менее часа. Но, когда мы, набегавшись, возвращались по аллее, старик по-прежнему сидел на своей скамейке и всё так же ждал кого-то.

"Может быть, он встречается здесь с другом, который имеет привычку опаздывать? – размышлял я, внимательно рас-

смаatrивая странную фигуру. – Или он дожидается внука из школы, а тот не спешит на встречу, заигравшись с друзьями?" Чем чаще я видел этого загадочного старика, тем больше мне хотелось узнать, кого с такой настойчивостью он дожидается. Но я не мог дольше задерживаться в парке по вечерам, нужно было возвращаться домой к ужину.

А потом наступили страшные времена. Смертельный вирус стремительно охватил всю землю, погибло много людей и ужас поселился в наших душах. Во время карантина наш любимый парк закрыли. Мы с Джеком выходили совсем ненадолго и быстро пробегали мимо, грустно глядя на пустынные аллеи и одинокие лавочки. В такие минуты я часто думал о том старике – как он, жив ли? Так пролетели месяцы карантина.

Но эта история не о том, как тяжело они дались всем нам. Ведь всё когда-то кончается. Кончилось и наше заточение. Как только открыли парк, мы с Джеком возобновили ежевечерние прогулки. Осень вступала в свои права, разноцветные листья весело кружили над мостовой, а солнышко пригревало ещё совсем по-летнему. В один из таких вечеров я вновь увидел старика на скамейке и, наконец, узнал его тайну...

Старик сидел на привычном месте. Он был всё так же парадно одет, поверх костюма на нём был старательно выглаженный серый плащ, а рядом на лавочке лежал большой старомодный зонт. Он заметно похудел, был бледен, но по-

прежнему гладко выбрит и аккуратно причёсан. Однако, фигура его немного обмякла и уже не выглядела такой напряжённой.

Ещё издали мне показалось, что старик с кем-то разговаривает. При этом он периодически взмахивал шляпой, как будто что-то рассказывал невидимому собеседнику. Я решил подойти поближе и замедлил шаг.

– А помнишь, – говорил старик хрипловатым голосом, – как мы первый раз с тобой танцевали? На площадке дома культуры, помнишь? Ты стояла с подружками в сторонке, стеснялась. Но я сразу тебя заметил. У тебя было ярко-голубое платье и лента в косе, тоже голубая. И глаза такие же ясно-голубые, но печальные. Я тогда решил, что непременно должен тебя пригласить. А ведь мне и самому было боязно. Смешно, верно?

С этими словами старик посмотрел на скамейку возле себя и тихо засмеялся. На какой-то миг я решил, что бедняга говорит сам с собой. Но, взглянув ещё раз, я вдруг заметил странную вещь. На земле возле скамейки было две тени. Одна принадлежала самому старику, а вот вторая, рядом, по очертаниям походила... на женскую фигуру! Я остановился в оцепенении, пытаюсь понять, как такое возможно.

Старик не обращал на меня никакого внимания, продолжая беседу. Иногда он замолкал, будто прислушиваясь к ответу. Кивал, словно соглашаясь, прикрывал глаза и счастливо улыбался. Это совершенно не походило на бормотание

старого безумца. Это не был поток одиноких воспоминаний. Это был настоящий разговор, только я не мог услышать, что отвечала невидимая собеседница. Вероятно, её слова предназначались ему одному. Женская тень немного колыхалась в лучах заходящего солнца, временами склоняясь к тени старика, отчего казалась до мурашек реальной.

Я не стал подходить ближе, боясь разрушить волшебство. Мне не хотелось искать разгадку этого удивительного оптического эффекта. Вероятно, это лучи заходящего солнца и ветви соседнего дерева играли с моим воображением. Но мне было приятнее думать, что каждый вечер старик не зря с волнением готовится к встрече на скамейке. К свиданию с прошлым, которого не вернуть. Возможно, что именно ожидание этой встречи помогло ему пережить страшное время пандемии. И эта вера в чудо даёт ему силы жить дальше.

Ты справишься

(очень правдивая история)

– Ириночка, ну пожалуйста, научи меня плавать! Я хочу уметь, как ты! – ныла четырёхлетняя Тоня и тянула Иринку за руку в сторону реки. Вставать с разогретого на солнце песочка не хотелось, но Тоня всё упрасивала. Иринка вопросительно посмотрела на отца – тот сидел рядом и о чём-то беседовал с дядей Игорем. Капли воды ещё не высохли на его загорелых плечах.

– Ладно, идите, поплещитесь! – разрешил отец. – Только недалеко от берега.

Лето в том году выдалось жаркое. В Москве стояла страшная духота и семья Иринки решила сбежать из раскалённого города, чтобы навестить родственников в Чернигове. Здесь было много зелени, рядом река Десна, куда они ездили почти каждый день купаться. Но в тот день мама и тётя Зина затеяли консервирование. Чтобы не мешать им, дядя Игорь предложил поехать на реку вчетвером и взял с собой дочь – Иринкину двоюродную сестру Тоню.

– Я покажу вам новое место. Там шикарный песчаный пляж и очень красивый берег, вам понравится! – пообещал он.

Плавать Иринка любила и в свои двенадцать лет делала

это довольно хорошо. Ведь её учил отец, а он вырос на реке и был лучшим пловцом. Никто не мог так красиво прыгнуть с обрыва или быстрее всех пересечь Десну в самом широком месте! И теперь, обучая двоюродную сестрёнку, Иринка пыталась копировать манеру отца.

– Тошка, смотри внимательно! – деловито говорила она. – Я буду поддерживать тебя под живот, а ты греби руками и ногами. Вот так!

Тоня старалась изо всех сил – барахталась и ужасно брызгалась! Девчонки громко хохотали и плюхались в воду у самого берега. Но вскоре это плескание в мутной воде надоело Иринке. Поплывать бы нормально, на глубине.

– Тошка, а давай-ка отойдём немного подальше – там вода чище, – предложила она.

Иринка взяла Тоню на руки и сделала несколько шагов вперёд, здесь ей было по грудь – уже лучше. А если ещё немного? Она сделала большой шаг и вдруг с головой ушла под воду. Дна под ногами не было! Яма? Обрыв?!

Тошка, окунувшись с головой, сразу перестала смеяться и испуганно вцепилась сестре в шею. Обхватив малышку одной рукой, Иринка изо всех сил загребала второй. Но всё равно уходила под воду, бесполезно кружась на месте. "Сейчас-сейчас, я достану до дна и оттолкнусь как следует!" Но дна по-прежнему не было. Тоня в панике цеплялась Иринке за шею и обхватывала руками голову. Она только мешала – душила и топила её.

– Гребни, Тоша, гребни, как я учила! – пыталась выкрикнуть Иринка, но вместо слов получалось лишь отчаянное фырканье. Тошка ничего не понимала и только судорожно сдавливала Иринке шею. Они вновь и вновь опускались под воду, с каждым разом всё глубже. И с каждым разом Иринке всё труднее было выталкивать их обеих на поверхность. Как будто они стали вдруг весить целую тонну!

"Нет, мы не утонем! – пронеслось в голове. – Ведь рядом мелко!" Она вытягивала ногу в сторону, надеясь нащупать песок хотя бы кончиками пальцев, но не ощущала ничего, кроме воды. Ей показалось, что время остановилось. Секунды стали минутами, а минуты – вечностью. Спасительный берег был совсем рядом, неподалёку спокойно плавали люди. Как глупо вот так утонуть!.. И тут, наконец, под ногами вновь возникло дно.

Нахлебавшись воды, девочки выползли на берег и упали в изнеможении. Немного отдышавшись, Иринка подняла голову и увидела, что отец пристально смотрит на неё, продолжая всё так же сидеть рядом с дядей Игорем.

– Папа, ты ничего не видел? Мы тонули!

– Я видел, – спокойно ответил тот.

Отец наблюдал за детьми с берега. Он заметил, что Иринка решительно направилась на глубину и немного насторожился. Но знал, что плавает дочь неплохо. Его школа. Брата разморило на солнце, он лежал рядом, прикрыв глаза – наверное, задремал. Когда две светлые головки вдруг скрылись

под водой, отец сразу почувал неладное. Он замер в напряжении, готовый в любую секунду броситься в воду. Но пока не двинулся. Купальщиков в реке было достаточно, однако, никто не обращал внимания на тонущих детей. "Сейчас она нащупает отмель и встанет на ноги. Если нет – я успею!" Он задержал дыхание. Глаза пристально следили за детьми: вот они ушли под воду второй раз, вот третий и снова вынырнули... Только когда дети выбрались на берег, он опять задышал. Лоб покрыла испарина, напряжённые мускулы медленно отпускало.

Иринка задохнулась от возмущения, она не могла поверить своим ушам. Отец всё видел и не бросился их спасать?!

– Нет, мы, правда, там чуть не захлебнулись! – возмущённо крикнула она.

– Правда-а-а! – повторила перепуганная Тошка и вдруг громко заревела. Дядя Игорь подхватил дочку на руки и удивлённо уставился на Иринку. Он ничего не понимал.

Лицо отца оставалось серьёзным и спокойным.

– Конечно, я видел, доча. Но я знал, что ты справишься.

С тех пор прошло много лет. Отца уже нет в живых. Иринка выросла, теперь она – Ирина Анатольевна. У неё подрастают свои дети. И всегда в трудную минуту, в моменты страха, слабости или боли она вспоминает те слова, что сказал ей когда-то отец: "Я знал, что ты справишься". И справляется.

Загадочное фото

(из серии "Миниатюры")

На моей тумбочке стоит фотография в красивой серебряной рамке. На ней – девушка с пышной копной рыжеватых волос и уверенным взглядом. Похоже, что она немного сердится или в напряжении ждёт чего-то. Меня не покидает ощущение, что она сердится именно на меня, ведь я совсем её не помню...

Я осторожно беру фотографию и вглядываюсь в незнакомые черты. Мне необходимо понять, кто же эта красивая рыжая девушка. Не знаю, почему, но для меня это очень важно. Я должна её вспомнить!

Я сижу в своей комнате напротив распахнутого окна. Сегодня тепло, вечернее солнце ласково греет мою ладонь. Сквозь лёгкий тюль с кленовыми листьями видно по-осеннему нарядное дерево с яркой красно-жёлтой кроной. Какая тёплая осень в этом году! А какая была в прошлом? Не помню... Но я прекрасно помню ту осень, когда я поступила в Университет. Да, погода была такая же!

А может, девушка на фотографии – моя университетская подруга? Однако, как её зовут? Почему я не могу вспомнить её имени? Я внимательно всматриваюсь ей в глаза, напрягаю память – ничего.

Сколько лет прошло? Целая жизнь! Но я отлично помню наш курс, песни под гитару на картошке, подготовку к сессиям у меня на даче, защиту диплома и, конечно, нашу закадычную компанию девчонок-студенток! Как же их звали? Лиля Шепель, Тоня Копновская, Валя Белоусова, Маша Петрова. Я помню их всех! Но девушка на фото не похожа ни на одну из них.

Солнечный лучик скользит по моей щеке, мне приятно его прикосновение, он словно пытается что-то шепнуть мне на ухо. Ну конечно! Как же я сразу не догадалась: надо посмотреть на обороте фотографии, там должна быть подпись! Правда, для этого мне придётся вынуть фото из рамки, а руки меня совсем не слушаются, пальцы как деревянные... Нет, пожалуй, я подожду, пока придёт с работы Вадик. Уж он-то должен знать, кто эта загадочная девушка! Вадик всё знает. Он всегда всё помнит лучше меня...

Дверь моей комнаты приоткрывается, но это не Вадик. Какая-то незнакомая женщина в белом халате заходит ко мне в комнату. Кто она? Зачем здесь? В руках у женщины градусник и таблетки.

– Виктория Павловна, как вы сегодня? Пора принимать лекарства, – приветливо говорит незнакомка и тут замечает серебряную рамку, которую я держу в руках. – Снова разглядываете свою фотографию? Вы были очень красивой в молодости.

Жертвоприношение

Елена сидела за кухонным столом и беззвучно плакала. Слезы ручьём текли по щекам, она их уже не вытирала. Напротив неё на столе стояла тарелка с остывшей котлетой и картошкой, овощной салат и стакан яблочного сока – ужин для сына, к которому тот даже не притронулся. Он опять пришёл домой из школы и сразу закрылся в своей комнате, даже не взглянув на еду.

– Ванечка, сынок, а как же ужин? Я приготовила твои любимые котлеты...

– Отстань, мам, я не голодный, – слышалось в ответ, через захлопнутую перед самым носом дверь.

Так повторялось почти каждый день, вот уже несколько месяцев. Ваня стал грубым и раздражительным, с матерью почти не разговаривал, с друзьями никуда не ходил – сидел вечерами дома, закрывшись в комнате. Но самое страшное – он отказывался есть. Ваня всегда был крупным ребёнком. Нет, не полным, скорее, крепким, здоровым, с хорошим аппетитом. А теперь его было не узнать: кожа да кости, бледный, сутулый – страшно смотреть!

Её сын вообще очень изменился. А ведь ещё в прошлом году он был совсем другим! Общительным, добрым мальчиком, одним из лучших учеников своего 9-го "Б". Увлекался теннисом, английским, по выходным помогал ей с уборкой.

Куда всё это провалилось в одночасье? Елена никак не могла понять, когда и что она упустила. Может, кто-то обидел Ваню в школе? Наговорил чего? Или он... влюбился? Сын ничего не хотел рассказывать, как она ни пыталась разузнать.

Елена делала для сына всё – не жалела ни денег, ни сил. Никогда на него не давила, не наставляла, не наказывала. Да и не за что было! Всё в их жизни текло спокойно и размеренно. Конечно, Ване не хватало отца. Он ушёл очень рано – несчастный случай на заводе, когда сыну было всего семь лет. Но они пережили вместе эту трагедию, их жизнь понемногу наладилась, и Елена считала, что вполне справлялась с воспитанием сына. До сего момента справлялась...

Когда зазвонил телефон, Елена вздрогнула от неожиданности.

– Леночка, привет! – Светлана всегда звонила в нужный момент, был у неё такой дар. Услышав голос лучшей подруги, Елена разрыдалась.

– Ты там в порядке вообще? – переполошилась Светлана. – Что случилось-то?

– Господи, Света! – в голос рыдала Елена, уже не заботясь о том, что сын может это услышать. – Он совсем ничего не ест! Меня не слушает, грубит, он, он...

Елену прорвало. Она не могла больше держать всё в себе.

– Я читала в интернете, я передачу смотрела... Анорексия – очень серьёзная болезнь! Он может умереть! Я теряю его, Света...

– Погоди-погоди! Давай-ка, накапай себе валерьяночки, – Светлана, как обычно, старалась сохранять спокойствие в сложной ситуации. – Дело действительно серьёзное, медлить нельзя. Знаешь, у моей коллеги дочку-студентку в прошлом году госпитализировали. Истощение организма. Тоже ничего не ела, худела, дурёха. Но в больнице её выходили, мозги вправили, всё обошлось. Леночка, вам тоже надо срочно обратиться к специалистам.

– Ну какие специалисты?! Если он со мной даже не разговаривает? Не могу же я его насильно тащить. А сам он не пойдёт никуда-а-а-а... Господи, да я отдам всё на свете, чтобы только помочь моему бедному мальчику! Жизнь отдам...

– Да не паникуй ты! Жизнь-то твоя кому нужна?...

– А вот слушай, – нервно сглотнув слёзы, Елена понизила голос. – Мне вчера Паша приснился. Я давно уже его во сне не видела, а тут – прямо как живой! Смотрит строго так и спрашивает: "Ты готова?". Я сначала не поняла, о чём он. Молчу, слова вымолвить не могу, а он продолжает: "Ты готова отдать свою жизнь, чтобы Ваня выздоровел?". Тут я обомлела... Света, я поняла, почему Паша погиб! Помнишь, мы тогда с Ванечкой в больнице лежали – у обоих двусторонняя пневмония, плохие были прогнозы, страшно было. А потом вдруг раз – и всё как рукой сняло. Выписали нас из больницы, а через неделю Паши не стало...

Елена перевела дыхание, тяжело вздохнула.

– Я тогда думала, сглазил нас кто-то – столько несчастий

сразу. А сейчас понимаю: это Паша жизнью своей пожертвовал, чтобы мы с Ваней выздоровели. Наверное, кому-то там, выше нужна была эта жертва. А теперь мой черёд настал...

– Лен, ну что ты? У тебя просто стресс, мысли такие в голову лезут...

Но Елена не слышала подруги, она вдруг перестала всхлипывать, выпрямилась и решительно произнесла:

– А я готова! Если нужна такая жертва, я готова и жизнь отдать...

– Мам, ты чё говоришь?!

Елена резко обернулась – в дверном проёме стоял Ваня: взгляд испуганный, губы побелели.

– Не надо жизнь, мам... Как же я без тебя? Один я точно не справлюсь, мам...

Телефон выпал из рук Елены, перед глазами поплыло, а в груди что-то больно кольнуло и сильно сдавило, так что стало невозможно дышать. Не в состоянии сказать ни слова, она протянула руки к сыну. Ваня бросился перед ней на пол, уткнул голову ей в колени и заговорил быстро и сбивчиво.

– Мам, ты прости меня! Я не могу всего объяснить... как-то всё запуталось... я ведь не хотел, точнее, думал, что оно по-другому выйдет... просто ребята из класса, да ещё Дашка... мне очень трудно, понимаешь? Но я справлюсь, мы справимся – вместе, слышишь, мам? Мама!

Перемещение

(почти фантастическая история)

Будильник звонил давно. Вера протянула руку и машинально выключила зануду. Открывать глаза не было никакого желания. Вчера они опять поругались с Костей, да так сильно, что она убежала из дома в грозу...

Они были женаты пять лет. Поначалу Вера мечтала о ребёнке, но никак не могла забеременеть. "Плохо стараетесь! – резанула врачиха из центра планирования семьи. – Вы оба молоды и совершенно здоровы."

Возможно, проблема была в психологической несовместимости? В последнее время ссоры стали частью их повседневной рутины, почти привычным ритуалом. Но ведь раньше так не было! Ведь была же любовь! Им было так хорошо вместе. А потом, как-то совсем незаметно, всё стало будничным и скучным. Любая мелочь раздражала и становилась поводом для ссоры. Обиды накапливались, наматывались друг на друга в тугой клубок, размотать который уже казалось невозможным.

Пытаясь поймать ускользающее семейное счастье, Вера совершенно забыла о карьере. Давно надоевшая работа ректором не приносила ей никакого удовлетворения. А все её незамужние подруги уже давно выбились в начальники

или открыли своё дело. Вот, взять хотя бы Жанну. Она стала крутой бизнес-леди: свой салон красоты, дорогая машина, вечно в заграничных поездках. Неудивительно, что они совсем перестали общаться.

Постепенно Вера пришла к выводу, что во всём виноват Костя. Он никуда её не пускает, да и сам не ходит – сиди с ним вечно дома, а лучше – стой у плиты! Он тормозит её развитие, не даёт выбиться в люди! Ну разве это жизнь?! Она решила, что так больше продолжаться не может, и накануне вечером высказала всё Косте в лицо. Вот так, взяла и рубанула правду-матку! Конечно, они жутко разругались и, хлопнув дверью, Вера убежала в грозу.

Боже мой, какая была гроза! Словно там, на небе, тоже кто-то рвал и метал! Вера спряталась под огромным деревом в парке, стояла и плакала над своей неудавшейся жизнью. Дерево раскинуло над Верой сильные широкие ветви, немного защищая от дождя. Глядя на эти ветви, Вера подумала, что наша жизнь похожа на дерево: начинается ровным прочным стволом, но затем всё больше ветвится, расходится в стороны, уводя всё дальше от главного направления. И от чего зависит, куда нас заведёт судьба – на широкую крепкую ветвь или на тоненькую, хилую? Если б не вышла она замуж за Костю пять лет назад, может, её жизнь сложилась бы совсем иначе?

Так размышляла Вера, прячась под деревом от грозы, когда яркая вспышка вдруг ослепила её, прямо над голо-

вой что-то оглушительно ударило, затрещало и швырнуло на землю...

...Вера в ужасе открыла глаза, вспомнив об ударе молнии. Она должна быть в больнице или на том свете! Однако, нет. Она вполне себе жива и находится в спальне. Вера вскочила на ноги и стала озираться по сторонам. Квартира, вроде бы её. Но обстановка намного богаче, шикарнее. Её фотографии в изящных рамках развешены по стенам. Да, это, несомненно, была она, Вера, но совсем другая, более красивая и ухоженная. Она с опаской подошла к зеркалу: элегантная стрижка, медный оттенок волос, стройная, как много лет назад, загорелая, словно только с юга, на плече модная тату.

"Это я и... не я. Что со мной случилось? Может, это сон? Я в коме?" – Вера даже ущипнула себя, но видение не исчезло. Она внимательно оглядела квартиру: красиво, уютно, даже изысканно – именно так она жила бы, если бы имела деньги и могла решать всё сама, без Кости. Стоп! Вера резко повернулась к стене с фотографиями – ни на одной из них не было её мужа. Она бросилась к шкафу с одеждой: только женские наряды. Во всей квартире не было и намёка на присутствие мужчины.

В этот момент зазвонил телефон, лежавший на тумбочке – Айфон последней модели.

– Верочка, дорогая! Прости, что беспокою так рано, – голос Жанны звучал непривычно, заискивающе. – Ты ведь приедешь сегодня на мою презентацию новых духов? Я хотела

бы попросить тебя выступить, сказать буквально пару слов – ты же так давно меня знаешь.

– Выступить? Почему меня? – Вера ничего не понимала.

– А кого же ещё? Ты у меня единственный знакомый редактор такого крутого журнала!

– Эээ... конечно, Жанночка, – машинально ответила Вера и в шоке опустилась на кровать.

Невероятная догадка пронзила мозг. Вчера в результате удара молнии что-то сместилось в её жизни. Похоже, она попала на другую веточку дерева. Или в параллельную реальность! И в этой реальности у неё было всё, о чём она только мечтала – свобода, деньги, независимость, признание. Ну что ж, значит, так тому и быть!

Через месяц Вера уже полностью освоилась с новой ролью – бизнес-леди, редактор известного модного журнала. Презентации, интервью, встречи, интересные знакомства. В её окружении оказалось много мужчин. Одни смотрели на неё с восхищением, другие – с завистью, некоторые даже со страхом. Но ни один из них почему-то не привлекал Веру. И если выдавалось свободное время, то проводила она его в салоне у Жанны – та обслуживала подругу почти бесплатно, за рекламу. Но по вечерам, когда Вера возвращалась домой, ей становилось тоскливо и накатывала смутная тревога: "Где теперь Костя? Как он живёт без меня? Счастлив ли?..."

Как ни странно, но с каждым днём она всё чаще думала о муже. Однажды в супермаркете чуть не окликнула незна-

когого мужчину – тот со спины очень походил на него. А когда выбирала себе духи, сама не поняла, как оказалась в мужском отделе с флаконом любимого Костиного одеколона. Просто стояла, как заморожённая, и вдыхала, впитывала такой родной и почти забытый запах...

Как-то раз, в гостях у знакомой Вера увидела на стене гитару и вдруг остро ощутила, что сейчас Костик бы точно схватил её и начал играть единственную песню, которую умел – «В траве сидел кузнечик». И Вера, которой всегда было стыдно за мужа в такие моменты, всем сердцем захотела, чтобы он снова оказался рядом и спел своего дурацкого кузнечика.

Тогда Вера решила разыскать Костю в своём новом мире. Найти его координаты оказалось совсем несложно. Но телефон не отвечал, оставался адрес. Несколько дней Вера промучилась в нерешительности. А вдруг между ними здесь вообще ничего не было и они даже не знакомы?

В конце концов, чувство одиночества и тоска по мужу взяли верх над страхом. Рука дрожала от волнения, когда Вера нажимала кнопку звонка в обшарпанном подъезде хрущёвки на окраине города. Дверь открыла улыбчивая молодая женщина в скромном домашнем халатике с грудным ребёнком на руках. Другой малыш лет четырёх с живым интересом разглядывал незнакомую тётю из-за маминой юбки. Но главное было не это – женщина как две капли воды была похожа на Веру – ту, прежнюю, но только очень счастливую.

"Кто там, любимая?" – раздался из комнаты знакомый до боли голос.

Харбор Вейв – Harbour Wave (почти мистическая история)

Кэсси Уильямс неторопливо шагала по рыжей дорожке вдоль океана. Припекало полуденное солнце, чуть в стороне от тропинки, возле огромных валунов, медленно пузырился прибой. Пахло солоноватой морской свежестью и смесью нагретых на солнце трав, которые пышно росли вдоль дорожки. Это был любимый маршрут Кэсси, он занимал ровно двадцать три минуты от её дома в местечке Харбор Вейв – небольшом городке на побережье Тихого океана.

Кэсси направлялась к беседке над заливом. Там она любила в безветренную погоду сидеть часами с книгой. Недавно ей исполнилось семьдесят и она вышла на пенсию, оставив библиотеку, где проработала без малого сорок лет, на попечение более молодых коллег. Теперь у Кэсси наконец появилось время для чтения и прогулок. Раньше ей было некогда, ведь помимо библиотеки приходилось заниматься воспитанием внука. Его родители работали в соседнем городе и их вечно не было дома. Муж Кэсси, Джереми Уильямс рано ушёл из жизни, даже не успев порадоваться рождению внука. Поэтому Кэсси привыкла рассчитывать только на себя.

Она часто забирала Тайлера из школы и брала с собой в библиотеку. Зато мальчик пристрастился к чтению и те-

перь, в свои шестнадцать лет, был на порядок эрудированней сверстников. Он собирался поступать в Беркли и в этом Кэсси тоже чувствовала свою заслугу. Жаль, что последние пару лет они стали так редко видеться – у Тайлера свои дела, учёба в хай-скул, а у неё как раз теперь появилась уйма свободного времени!

Погрузившись в чтение очередного увлекательного романа, Кэсси не заметила, как пролетело часа два. Вдруг резко потемнело, словно солнце закрыла огромная чёрная туча. Кэсси оторвала глаза от страницы и обомлела – с океана прямо на неё стеной двигалась гигантская волна. Размером с многоэтажный дом, она приближалась с невероятной скоростью и скрыться от неё было невозможно! "Это цунами! – пронеслось в голове, – Но откуда? Как?!" Кэсси непроизвольно перекрестилась и в страхе зажмурилась, ожидая удара – секунда, две, пять... Но ничего не произошло. Когда Кэсси вновь открыла глаза, вокруг по-прежнему сияло солнце и волны медленно разбивались о прибрежные скалы. "Что это было?! Мираж, галлюцинация? Но как страшно и как реально!" – озадаченно размышляла Кэсси, возвращаясь домой. В тот вечер она никак не могла уснуть, цунами не выходило у неё из головы. Ей очень хотелось поделиться с кем-нибудь, но она боялась, что ей не поверят и решат, что старушка сошла с ума.

На следующий день Кэсси вновь отправилась к океану. Ей не хотелось идти к беседке и она решила прогуляться в дру-

гую сторону залива, обогнув мыс, на котором стоял маяк. Теперь, при свете дня вчерашнее видение стало казаться ей лишь плодом воображения. "Чепуха! – решила Кэсси. – Это мне от безделья примерещилось..."

Маяк стоял на самом краю мыса и на фоне синевы океана казался нарядным Рождественским леденцом в красно-белую полоску. Кэсси любила этот пейзаж и даже мечтала когда-нибудь написать картину с нарядным маяком. Обогнув выступ скалы, Кэсси вышла на тропинку, ведущую к маяку, и оцепенела от ужаса – огромная волна, такая же, как накануне, с невероятной силой ударила в маяк и снесла его, смыла, словно песочный замок... От страха Кэсси вскрикнула, споткнулась и упала... Видение мгновенно исчезло. Кэсси сидела на тропинке, держась за разбитое колено, а маяк стоял на своём обычном месте – цел и невредим.

"Что же всё-таки происходит?! – недоумевала Кэсси. – Неужели, я схожу с ума? Мне просто необходимо с кем-нибудь это обсудить."

К счастью, в тот день после школы к ней заглянул Тайлер. Кэсси сидела в кресле на веранде, положив ушибленную ногу на табурет. Колено распухло и болело.

– Боже мой, бабушка! Что с тобой случилось? – ужаснулся Тайлер. – Давай я отвезу тебя к врачу!

– Не надо, дорогой мой, – отмахнулась Кэсси. – Это просто ушиб, он и так заживёт. Послушай лучше, что со мной приключилось. Это может быть куда серьёзнее.

И она подробно рассказала внуку о своих жутких видениях. Тайлер выслушал её очень внимательно, а потом сказал, покачивая головой:

– Ты не сумасшедшая, это я знаю точно.

Он ободряюще улыбнулся.

– Поэтому, одно из двух – или ты видишь прошлое... ну, когда-то давно могло здесь произойти что-то подобное? Может, ты об этом читала или слышала?

– Да нет же! Я ни о чём таком даже не думала. И вообще, никогда не слышала, чтобы в нашем городе бывали цунами! – взволнованно возразила Кэсси.

– Тогда второй вариант: Миссис Кассандра Уильямс, в тебе проснулся дар предвидения! – немного шутливо выпалил Тайлер. И, поразмыслив, добавил:

– Первую версию мы проверим. Поищу в интернете. На счёт второй версии... А давай в следующий раз я пойду на берег вместе с тобой!

– Хорошо, – с радостью согласилась Кэсси, – только умоляю тебя, ничего не говори родителям! Они точно решат, что я спятила. Да, и про колена молчи. Зачем расстраивать маму?

– Ну бабушка, за кого ты меня принимаешь? – чуть обиделся Тайлер. – Я ничего никому не скажу. Только и ты без меня никуда не ходи, слышишь? Отдыхай и поправляйся. Если что – звони!

Но в тот же вечер Тайлер сам позвонил ей и оживлённо

зашептал в трубку:

– Бабушка, ты не поверишь, что я узнал!

Кэсси затаила дыхание.

– Знаешь, как переводится с японского "цунами"?... Береговая волна! То есть, Харбор Вейв – название нашего города.

Кэсси почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Но это невозможно! – она всеми силами пыталась сопротивляться нехорошим предчувствиям, – Если бы здесь когда-либо были цунами, все бы знали! Я почти сорок лет живу в этом городе и ни о чём таком не слышала...

– Ладно, я ещё покопаюсь в интернете, а то родители дома.

Завтра увидимся!

Похоже, внука сильно увлекла эта история. На следующий день он рассказал, что в Интернете нашёл массу информации о цунами. Но к сожалению, ничего, что могло бы иметь отношение к их городку. Да, цунами случались на побережье Калифорнии в основном из-за землетрясений. Но все они были не слишком мощными, по крайней мере, за последние сто лет.

– Думаю, надо сходить в библиотеку, – решила Кэсси. – Я позвоню Миссис Стивенс, чтобы пустила тебя в архивы. Скажу, что ты пишешь эссе по истории нашего города. Может быть, в старых газетах что-то найдётся.

В субботу утром, когда Кэсси смогла, наконец, ходить, они с Тайлером отправились к беседке на берегу океана. По до-

роге внук взволнованно рассказал Кэсси о том, что ему удалось накануне узнать из архива.

– Я нашёл! Здесь было сильное цунами ровно двести лет назад! Только тогда тут стояла совсем маленькая деревушка и её полностью смыло. Все жители погибли! Это место долго обходили стороной и только спустя почти сто лет начали опять строить дома, маяк поставили, сити-холл и появился наш город. А страшную историю или не хотели вспоминать, или просто забыли.

Вид у Тайлера был очень довольный. А Кэсси от такой неожиданной новости даже остановилась.

– погоди, – сказала она и голос её дрогнул. – Получается, наш город не случайно так называли? Но почему об этом никто не знает?...

– Я думаю, это объяснимо, – с невозмутимостью исследователя продолжал Тайлер. – Когда строили город, кто-то ещё мог помнить о том страшном цунами. А потом, со временем, позабыли, откуда взялось название.

– Нет-нет, – Кэсси вдруг немного замутило, – здесь что-то ещё...

К тому времени, когда Кэсси с внуком добрались до беседки, погода испортилась – солнце скрылось за рваные тучи, поднялся ветер, океан стал серо-стальным и его мощные волны с грохотом бились о скалы. Похоже, начинался шторм.

– Дальше не пойдём, – сказала Кэсси, ёжась на ветру, – сегодня здесь совсем неуютно. Да и колено ещё ноет. Воз-

вращаемся.

Тайлер не стал спорить. Он и без того переживал за бабушку – смотрел настороженно и всю дорогу пытался поддержать её под руку, чтобы она снова не упала. Кэсси это, с одной стороны, радовало – какого внимательного парня она воспитала! – а с другой, раздражало, ведь она привыкла всегда и во всём полагаться только на себя.

На обратном пути они решили немного срезать и пошли мимо уютных домиков, стоящих на побережье. Кэсси залюбовалась их открытыми верандами и огромными видовыми окнами, обращёнными к океану. В одном из окон была хорошо видна просторная кухня, горел яркий свет и женщина в фартуке доставала из духовки румяную индейку. "Как странно, – подумала Кэсси, – индейка... А ведь до Дня благодарения ещё целых два месяца..." Но не успела она подумать, как всё кругом задрожало и прекрасный дом с кухней, женщиной и индейкой накрыло мощной волной и перевернуло вверх дном, словно карточный домик!

Кэсси ахнула и вцепилась Тайлеру в руку, чтобы не упасть.

– Бабушка! Ты в порядке?! – Тайлер почти кричал, но она его не слышала. В ушах шумело, перед глазами всё плыло. Немного придя в себя, Кэсси увидела, что дом стоит на месте и света в окнах нет. Похоже, что и жильцов не было дома.

– Ты видела, да? – тормозил её Тайлер. – Расскажи скорее, что ты видела?

– Мне кажется, – очень серьёзно заявил внук после того, как выслушал Кэсси, – ты действительно видишь будущее, а не прошлое. Маяку нашему не больше ста лет, а дом этот совсем новый. Получается, то, что ты видишь, никак не может быть из прошлого. Ты предвидишь новую катастрофу! Не зря же тебя зовут Кассандра, как ту, что предсказала падение Трои. Может быть, твоя миссия – предупредить людей и спасти их?

Тем временем они добрались домой и Кэсси в изнеможении упала в кресло. Она не знала, что и думать. Похоже, Тайлер прав – грядёт катастрофа. Страшное цунами вновь должно уничтожить их город. И только они двое об этом знают. Если это так, то они должны как-то всех предупредить. Но кто им поверит? А если всё это глупости и она просто сходит с ума? Ох, не хотелось бы ей судьбы троянской царевны, ведь той никто не поверил...

– Бабушка, милая, – Тайлер был очень обеспокоен, – постарайся вспомнить, в твоих видениях любые мелочи, детали, по которым можно предположить, когда это произойдёт?

– Я не знаю... Непонятно... Хотя, погоди! – спохватилась Кэсси. – Индейка! Женщина в окне, которую я увидела, готовила огромную индейку. Я ещё подумала, что до Дня благодарения далеко, а тут индейка...

– Прекрасно! У нас есть почти два месяца, чтобы эвакуировать город. Но нельзя терять ни минуты, нужно сообщить шерифу, в городское управление, кому там ещё? – Тайлер

был полон решимости. С присущей юности горячностью он уже входил в роль героя-спасителя.

– погоди, Тайлер, стой! – Кэсси схватила внука за руки. – А что, если всё это... лишь у меня в голове? У нас ведь нет никаких фактов. Надо сначала расспросить метеорологов или сейсмологов.

– Отличная идея! Я постараюсь на них выйти под предлогом всё того же эссе.

– Это ещё не всё. Если информация не подтвердится... – Кэсси тяжело вздохнула и немного замялась. – Я читала как-то об одной женщине, которую мучили галлюцинации. Оказалось, это опухоль мозга давала такой эффект... Я беспокоюсь. Каждый раз после видений у меня сильно кружится голова. Потом проходит, но кто знает... Понимаешь?

Тайлер озадаченно уставился на бабушку. Такая мысль явно не приходила ему в голову.

– Да, ты права. Как бы ни было страшно, но эту версию нам тоже придётся проверить. Пойдёшь к врачу.

Они просидели до самого вечера, обсуждая план действий. Кэсси вспомнила, что муж одной из её давних коллег когда-то служил помощником шерифа. Можно к нему обратиться – хотя бы попытаться узнать, что делать в такой ситуации. Они оба прекрасно понимали, что действовать нужно быстро, но крайне осторожно, пока всё окончательно не подтвердится. Или же, наоборот, не опровергнется. И бабушка, и внук очень надеялись на это.

Пролетел месяц. За это время Тайлер узнал от сейсмологов, что небольшие подземные толчки происходят в их краях почти ежедневно, но они не способны вызвать цунами. Прогнозы на ближайшие месяцы были оптимистичными, ничего необычного не происходило. Синоптики тоже не предвещали ни бурь, ни ураганов. Стояла прекрасная погода, даже теплее обычного.

Кэсси прошла обследование в клинике соседнего города, тихо и без лишнего шума, чтобы избежать разговоров. Оказалось, она в полном порядке для своих семидесяти. Никаких опухолей мозга или других патологий. Небольшое повышение артериального давления, но у кого в её возрасте этого не бывает? Тем более, после таких переживаний.

Капитан Бредли, муж её знакомой и помощник шерифа в отставке, выслушал рассказ Кэсси очень внимательно, потом тяжело вздохнул и сказал: "Знали бы вы, мэм, сколько раз мне приходилось выезжать на ложные вызовы! Рад бы вам помочь, но, боюсь, без веских доказательств никто в полиции не станет с вами разговаривать. Мне очень жаль, мэм."

Всё это время Кэсси отважно продолжала прогулки вдоль побережья. Тайлер поначалу ходил вместе с ней, но видения больше не повторялись и он вернулся к учёбе. И тут цунами начали являться Кэсси во сне. То ей снился ужасный ураган, срывающий крыши домов, а вслед за ним – мощные удары волн, сметающие всё на своём пути – дома, деревья, ограды участков, машины и людей... Однажды она проснулась в хо-

лодном поту – ей приснилась мёртвая чайка со сломанным крылом в мутной морской воде. Эта чайка потом долго преследовала Кэсси, как только она закрывала глаза. Кэсси устала, она не высыпалась и была измучена кошмарами. Но кроме снов у неё не было ровным счётом ничего, что бы можно было предъявить людям...

Приближался День благодарения. До праздника оставалось два дня, когда на Харбор Вейв обрушился небывалой силы шторм. Казалось, земля ходила ходуном от разбивающихся о берег волн. Сумасшедший ветер срывал не только листья с деревьев, но даже рвал провода электропередач. С балконов и патио улетали солнечные зонты, тенты и всё, что могло улететь. Ливень, начавшийся вслед за ветром, обернулся крупным градом. Это был настоящий кошмар! По телевизору сообщалось об ущербе для сельского хозяйства, сильных разрушениях и даже о человеческих жертвах. Синоптики недоумевали – они не смогли предсказать катастрофы, по их данным на побережье Харбор Вейв должно быть всё спокойно...

Поздно вечером в доме у Кэсси зазвонил телефон.

– Миссис Кассандра Уильямс? – спросил низкий мужской голос. – Это шериф Джонстон. Капитан Бредли рассказал мне, что у вас имеются важные сведения относительно предстоящего цунами. Я могу к вам сейчас подъехать?

Кэсси была и рада, и не рада рассказать шерифу обо всех своих перипетиях. "Но раз уж так сложилось, – решила она, –

будь что будет!" Шериф внимательно выслушал Кэсси, почти не задавая вопросов, и было непонятно, принимает ли он её рассказ всерьёз.

– Окей, спасибо, миссис Уильямс! – произнёс шериф, когда Кэсси замолкла. Он задумчиво направился к двери, собираясь уходить, но на пороге обернулся. – Я думаю, цунами нам вряд ли грозит, но на всякий случай будем готовить эвакуацию.

Едва закрыв за шерифом дверь, Кэсси тут же кинулась звонить Тайлеру, чтобы поделиться новостью. Они решили всё рассказать родителям и утром уехать из города.

Но этого не понадобилось. На рассвете буря стихла как не бывало. Тучи рассеялись, выглянуло солнце и Кэсси поняла, что ошиблась. Никакого цунами не будет! И зачем только она рассказала всё шерифу? Теперь её поднимут на смех, будут считать сумасшедшей старухой, знакомые от неё отвернутся, а семья... Впрочем, у неё всегда будет Тайлер! Кэсси очень рассчитывала на его поддержку и не ошиблась. Тайлер приехал к ней в тот же день, привез её любимое печенье и рассказал, как выдержал нелёгкий разговор с родителями. Конечно, те решили, что бабушка просто спятила, задурила голову внуку и, мало того, навела панику на весь город! Стыдно какой, как им теперь людям в глаза смотреть?... Но Тайлер даже не думал обращать внимание на эти глупости, ведь главное, что всё обошлось и цунами не будет!

Прошёл месяц, был канун Рождества. Кэсси уговорила семью отправиться на озеро Тахо – в глубь континента, туда, где лежал снег и была настоящая зимняя сказка. Они давно не выбирались никуда вместе и после недолгих колебаний решили уступить бабушке. А то вдруг опять начнёт блажить? Кэсси не обижалась, она готова была использовать любые уловки, лишь бы оказаться подальше от Харбор Вейв. Дело в том, что её кошмары не прекратились. Наоборот, они стали ещё реалистичней! А когда дочь купила индейку, чтобы приготовить её к Рождественскому столу, Кэсси поняла, какую роковую ошибку совершила. Она неправильно определила дату катастрофы! Ведь на Рождество тоже многие едят индейку. Как она могла об этом забыть? Кэсси набралась мужества и позвонила шерифу Джонстону. Но тот лишь усмехнулся в трубку: "Дорогая миссис Уильямс, вы нам уже очень помогли. Давайте на этот раз обойдёмся без фантазий." Тогда Кэсси во всём призналась Тайлеру и вместе им удалось выманить родителей из города.

Наступил сочельник. Перед тем как отправиться домой к праздничному столу, шериф Джонстон решил заглянуть на побережье – ему сообщили, что там происходит что-то странное. И правда, такого отлива он ещё никогда не видел: береговая линия отступила на несколько сотен ярдов, из песка торчали оголившиеся камни, водоросли и ракушки сохли на ветру. Когда-то он читал, что такое бывает перед... нет, этого не может быть! Шериф взгляделся в темнеющую даль

и застыл от ужаса – с океана на город надвигалась огромная волна...

Ожидание

(из серии "Миниатюры")

Солнечный луч украдкой пробрался в кухню и нечаянно скользнул по ряду разномастных бокалов, что стояли в буфете за стеклом. От его прикосновения хрустальный бокал для шампанского вдруг встрепенулся и заиграл всеми цветами радуги.

– Эй, приятель! – зажмурившись от яркого света, обернулся к соседу бокал для красного вина, округлый и солидный, с золотым кантом по краю. – Ты чего так сияешь? Случилось что?

– Как, разве вы не знаете? – тонким певучим голосом откликнулся бокал для шампанского. – Сегодня особенный день! Я точно знаю, что сегодня будут пить шампанское.

– Да откуда тебе это известно? – недоверчиво пробасил в ответ бокал для красного. – Обычно, когда Она приходит, пьют красное вино. Она его любит больше всего!

– Я просто наблюдательнее вас, – интеллигентно парировал бокал для шампанского, упрямо обращаясь на вы к соседу по полке, хотя возраст их был примерно одинаковым, да и знакомы они были уже сто лет. – Вот вы даже не заметили, что вчера вечером Он принёс из магазина шампанское.

– Ну и что с того? Вон, бутылок у него в баре штук пять,

разных. Это ещё ничего не значит. Когда придёт Она, опять достанут красное, – и бокал для красного вина самодовольно выпятил круглое прозрачное пузо.

– Вот, и опять вы не внимательны! Чем, интересно, вы были так заняты вчера вечером, что даже не заметили, как Он поставил бутылку шампанского в холодильник?

– Не может быть... А ты уверен, что не ошибся, приятель?

– Абсолютно! – бокал для шампанского гордо выпрямил стройную спину и слегка переместился вперёд. – Это может значить только одно: сегодня вечером Он, наконец, скажет ей это. Он достанет шампанское, откроет бутылку и... О, как я счастлив!

– Ну, что ж! Может, ты и прав, приятель, – хмуро проворчал бокал для красного. – А если Она не захочет шампанского? Тогда Он достанет из бара бутылку красного и...

– Чушь! – возмущённо вскричал бокал для шампанского и подался вперёд всем своим резным корпусом. – Этого никак не может случиться. Кто же, по-вашему, пьёт красное в такую торжественную минуту?

– Да что ты так распалился? Остынь! Слышишь, дверь хлопнула? Сейчас мы всё увидим.

От любопытства оба бокала так сильно выдвинулись, что уткнулись носами в стекло дверцы. В кухню вошёл молодой мужчина и неожиданно резким движением распахнул буфет. Оба бокала, не удержавшись на тонких ножках, потеряли равновесие и со страшным звоном рухнули на камен-

ный пол. Грустно взглянув на осколки, молодой человек тяжело вздохнул, протянул руку и извлёк из глубины буфета рюмку для водки.

Ещё один шанс (почти волшебная история)

Их было только трое в вагоне метро в этот поздний час. Молоденькая девушка с распухшими от слёз глазами тёрла платком покрасневший носик и тяжело вздыхала. Напротив сидел немолодой мужчина с усталым взглядом и седыми висками, в дорогом пальто и небрежно наброшенном шарфе. А немного в стороне расположилась молодая женщина с огромным чемоданом, глаза её были тревожными, губы дрожали...

Заплаканную девушку звали Аллочкой. Весь день она прорыдала. Рыдала, когда сидела в больнице, ожидая исхода операции. Рыдала, когда врач сообщил ей, что мать в коме и прогнозы неважные. Рыдала, когда брела по затихшему ночному городу к метро. Она не хотела, чтоб так вышло! Она просто стремилась к самостоятельности, к независимости. Ей уже восемнадцать и она сама может решать, с кем ей общаться и куда ходить. А мама, мама вечно хотела быть в курсе всего. Как это раздражало Аллочку! Как бесило!

– Ну хватит, мам! Живи уже своей жизнью и дай жить другим! – часто срывалась она на мать. Вот и вчера Аллочка не выдержала и, хлопнув дверью, отправилась ночевать к подруге. А наутро узнала, что мать в больнице – сердечный

приступ, реанимация, сложная операция и кома... Страшнее всего были последние слова, что она бросила маме в лицо, уходя из дома: "Я тебя ненавижу!" Как теперь сказать ей, что не может себя простить, что любит её больше всего на свете?!..

Женщина с чемоданом, её звали Оксана, нервно теребила ручку сумки: "Боже мой, что я натворила!" Она только что ушла от любимого человека. Собрала вещи и уехала в ночь, в свою старую хрущёвку на другом конце города. Нет, они не ругались. С ним вообще поругаться невозможно. Но она приняла такое решение, потому что сегодня узнала, что ждёт ребёнка. И не могла об этом сказать.

"Вы с ним, как с разных планет!" – говорили её подруги и были абсолютно правы. Она ему не пара. Что может быть общего у медсестры из простой рабочей семьи и успешного предпринимателя, сына дипломатов? Она смущалась его состоятельных друзей, не знала, о чём говорить с их элегантными жёнами, что надеть на важную вечеринку и как себя вести, чтобы не выглядеть нелепой. Ей казалось, что все её осуждают, шушукаясь за спиной. Это было невыносимо! Она любила его и, возможно, это был её последний шанс стать счастливой. Но лучше она уйдёт сама, чем будет его вечно позорить...

Николай Петрович смотрел на попутчиц усталым невидящим взглядом. Тяжёлые мысли мучили и его. Он был хирургом. Прекрасным хирургом, успешным и хорошо оплачива-

емым хирургом в частной клинике. Но сегодня он решил им больше не быть. После того как на операционном столе потерял пациента. А всему виной его глаза – в последнее время они стали ужасно слезиться от напряжения, особенно во время операций. Это отвлекало и раздражало Николая Петровича. Но он боялся признаться даже самому себе, что устал, выгорел, постарел. Сегодняшняя операция поставила точку – он написал заявление об уходе. Потом, бросив машину у клиники, долго слонялся по промозглому городу, пока совсем не замёрз. Но возвращаться домой не хотелось. Как он объяснит всё жене и дочери? Как скажет, что теперь им придётся жить на зарплату простого врача в поликлинике? А о новой машине и дорогой шубе лучше забыть...

Так совпало, что все трое вышли из вагона одновременно, в одном из спальных районов города. Станция была пуста, только уборщик противно жужжал своей машиной. Все ларьки в переходе метро были давно закрыты. Кроме одного. Там продавалась выпечка – пирожки, ватрушки, сочники. Аппетитный запах дразнил и манил. А яркая вывеска над окошком призывно подмигивала огоньками: "Ваш шанс!"

Аллочка первой устремилась к ларьку. Она вспомнила, что весь день ничего не ела!

– Что будете брать? – в окошечке показалось улыбчивое молодое лицо с ясными синими глазами. Аллочка замешкалась выбирая.

– Возьмите ватрушку, – предложил молодой человек в

окошке, – очень свежая, вечером подвезли.

Купив ватрушку, Аллочка жадно впилась в неё зубами и чуть снова не разрыдалась. Ватрушка была сладкой и сочной, с легким ароматом ванили – почти такой, как пекла её мама. В этот момент зазвонил телефон.

– Алла Данилова? Ваша мама пришла в себя, срочно приезжайте!

Радостно вскрикнув, Аллочка рванула обратно в метро, чуть не сбив с ног Оксану и Николая Петровича. Тот помогал женщине с чемоданом. Они остановились у ларька с выпечкой.

– Спасибо вам! Дальше я сама...

– Молодые люди, – послышался весёлый голос ларёчника. – Уже поздно, конечно, но может быть, и вы не откажетесь от ватрушечки? Они ещё горячие, вечером подвезли.

– И правда, – Николай Петрович почувствовал, что страшно проголодался, – давайте по ватрушке!

Оксана не хотела есть. Но в её нынешнем положении голодать было нельзя, а она сегодня не ужинала. Всё приготовила и оставила на столе вместе с прощальной запиской.

Ватрушка действительно оказалось тёплой и вкусной. Это придало Оксане сил. Поблагодарив Николая Петровича, она направилась к выходу из метро и вдруг на лестнице увидела знакомую высокую фигуру.

– Ну где тебя так долго носит? Я тут окоченеть успел, – шутивым тоном произнёс молодой мужчина, обнял Оксану

за плечи и, отобрав чемодан, добавил:

– Поехали-ка домой!

Николай Петрович проводил грустным взглядом влюблённую пару, поднял воротник и, зябко кутаясь в шарф, пошёл в сторону дома.

У автобусной остановки столпились люди, обступив кого-то, лежащего на земле.

– Человеку плохо! Врача, врача! – расслышал Николай Петрович сквозь гул голосов. Не мешкая ни секунды, он рванул в толпу. На земле лежал пожилой мужчина в распахнутой куртке и, похоже, не дышал.

– Ждал автобуса и вдруг упал. Вроде не пьяный... – сказала какая-то женщина. Николай Петрович нащупал пульс – слабый, но есть.

– Срочно вызывайте скорую! – он знал, что надо делать. Голова прояснилась, мысли работали быстро и даже глаза не подвели. Через несколько минут старик очнулся и застонал.

Когда машина скорой помощи увезла старика и толпа рассосалась, хирург вытер вспотевший лоб и достал телефон.

– Ну что, одумался, Николай Петрович? – голос главврача звучал одобряюще. – Не стал я подписывать твоё заявление. Знал, что передумаешь. Ты же хирург от Бога! Давай, до завтра.

Синеглазый ангел в ларьке с выпечкой закрыл окошечко и довольно улыбнулся. Он правильно выбрал этих троих, пусть даже пришлось простоять здесь весь день. Каждый из них

заслуживал ещё одного шанса. Он был молодым ангелом, но, кажется, сдал сегодня экзамен на отлично!

Вера

(почти правдивая история)

Во дворе было пусто. Лишь двое детей – мальчик лет четырёх и двухлетняя девочка ковырялись в песочнице. Их мама сидела рядом на лавочке, то наблюдая за детьми, то возвращаясь к журналу, который держала в руках. Вновь подняв глаза от чтения, она обвела взглядом пустынный двор и вдруг оцепенела от ужаса. Из-за дальних гаражей прямо на них бежала стая бродячих собак. Это была именно стая, впереди вожак – чёрный с седыми подпалинами, а за ним ещё пяток, разной величины и масти.

Женщина застыла на какое-то мгновение, не в силах отвести взгляд от приближающихся псов. И вдруг сорвалась с места, схватила в охапку детей и помчалась к подъезду. Она бежала, не оборачиваясь, не слыша плача испуганной дочки и криков сына. Лишь бы успеть! В опустевшей песочнице остались ведёрко и формочки, на лавочке ветер листал страницы журнала.

Хлопнула, закрываясь, дверь. В полумраке подъезда женщина опустила детей на пол и стала успокаивать.

– Всё позади, всё хорошо! Не надо плакать! Всё прошло, – уговаривала она то ли перепуганных детей, то ли саму себя.

– Случилось что, Лизавета? – раздался скрипучий голос и

из темноты показалась чуть сгорбленная фигура старика лет семидесяти, он опирался на толстую палку.

Лиза взглянула на соседа, всё ещё пытаясь отдышаться.

– А, это вы, Семён Палыч? Там – свора собак. Бродячих...

– Всего-то? – усмехнулся старик. – Я уж было подумал, грабители на вас напали. Пойду погляжу.

Через приоткрытую дверь подъезда Лиза с замиранием наблюдала, как старик неспешно двинулся в сторону бегающих вокруг песочницы псов. Что-то громко крикнул, ударил палкой по лавке. Поджав хвосты, собаки нехотя направились в соседнюю подворотню. Только когда последний пёс исчез из виду, Лиза смогла выйти из укрытия, чтобы собрать игрушки. Сосед сидел на лавочке, щурясь на летнее солнышко.

– Запомни, Лизавета, – по-отечески наставительно сказал он. – Нет в мире зверя страшнее человека! А собак бояться не надо, мы для них куда опаснее будем. Смотри, чтоб детки не переняли страх-то твой.

А страх был. С самого детства, сколько себя помнила, Лиза до смерти боялась собак. Ещё девчонкой, выходя из подъезда дома, она с опаской озиралась, не бродит ли поблизости Шарик – приبلудный дворовый пёс, косматый и весёлый. Его любил и подкармливал весь двор, а Лизу просто парализовало при виде Шарика. Ей казалось, что пёс должен непременно её укусить, подойди она ближе. И Шарик, словно подтверждая Лизину догадку, принимался тихо рычать при виде девочки.

Став старше, Лиза начала стесняться своего страха и честно пыталась с ним бороться. И тут её подруга Катя завела немецкую овчарку. Но стоило Лизе попасть в дом к подружке, как веселье превращалось в пытку. Напряжение не покидало Лизу, даже когда Катя запирала собаку в соседней комнате.

– Джек добрый, он не тронет, – уверяла Катя подругу. – Иди, погладь его, не бойся! Сама увидишь.

Но Лиза не могла даже протянуть руку. Вместо добродушного Джека, она видела только страшный оскал и злые жёлтые глаза, следящие за каждым её движением. Ладони становились влажными, ноги ватными, в горле перехватывало. Было ужасно стыдно, но страх каждый раз побеждал. Постепенно дружба с Катей сошла на нет. С тех пор Лиза никогда больше не общалась с "собачниками".

Лиза долго не могла понять, откуда у неё этот страх. Пока однажды мама не призналась, что года в три её напугала в песочнице огромная собака. Конечно, Лиза сама этого не помнила. А мамин рассказ был скуп на детали. Но девушка пыталась представлять себе, как это могло произойти. Ей казалось, что если она сможет вспомнить все подробности случившегося, то избавится от страха раз и навсегда. Однако, результат был обратным – Лизе стали сниться кошмары.

...Маленькая девочка играет в песочнице. Она сидит на корточках и держит в руках ярко-красную лопатку. Девочка строит домик из песка. Её мама неподалёку беседует с по-

другой. Но вот мамин голос замолкает, она тихо подходит к девочке сзади и наклоняется к самому уху. Малышке слышно тяжёлое мамино дыхание. Она радостно поворачивает голову, но вместо мамы на неё в упор смотрит огромная чёрная морда с клыкастой пастью и красными глазами...

– Мама, только ты не ругайся, пожалуйста! – Дениска казался виноватым и ужасно довольным одновременно. – У Колькиной Джульбы щенки появились и я взял одного. Посмотри!

С этими словами пятнадцатилетний Лизин сын достал из-за пазухи маленький рыжий комочек.

– Это девочка, совсем крошечная. Ну и пусть непородистая, метисы крепче здоровьем. Мамочка, пожалуйста, давай оставим её, а? Ты же знаешь, как давно я хочу собаку! Я буду всё-всё делать сам, ты не беспокойся. Буду её дрессировать, кормить, гулять. Обещаю!

Ушастый рыжий комочек смотрел на обомлевшую Лизу синими бусинками глаз. Как случилось, что вопреки всему её сын уже много лет мечтает о собаке? Что он прочёл массу умных книг по собаководству и в итоге – о ужас! – решил стать кинологом? Да, Лиза старалась как могла не передать свой страх детям. Но чтобы вышло совсем наоборот, она никак не ожидала. Пошла на хитрость, поставила сыну условие – отличные оценки в году по всем предметам. Правильный стимул творит чудеса! К концу года Денис стал отличником.

Видно, действительно, очень хотел собаку. Теперь пришёл мамин черёд держать данное слово.

– Папа согласен, Машка тоже. Осталась только ты! Мам, ты ведь мне обещала, – не отступал Денис. – Я уже и имя ей придумал – Вера. Как тебе?

Вера... Вера ей была нужна. Вера в то, что в один прекрасный день она сможет без внутреннего содрогания пройти мимо любой собаки на улице, сможет потрепать за ухом соседского пуделя и даже получить от этого удовольствие. А её сын сможет стать блестящим кинологом.

Лиза очнулась от дурного сна, смахнула прилипшие ко лбу волосы, тихо надела тапочки и побрела на кухню за водой. Пять утра. По дороге она заглянула в комнату Дениски. Сын глубоко спал, одной рукой обняв рыже-белое Верино брюшко. Их позы были настолько похожи: Вера так же, как её хозяин, клала голову на подушку. Даже выражение лиц у них было одинаковым, безмятежно-счастливым. И тут Лиза поймала себя на мысли, что больше не воспринимает Веру как собаку. За прошедший год она стала членом их семьи. Её третьим ребёнком, родным и любимым.

– Что случилось? – спросил муж, когда Лиза вернулась в постель.

– Представляешь, – призналась Лиза, – мне приснилось, что Верочка пропала и я её везде ищу.

– Ну, и нашла? – сонно поинтересовался муж.

– Нашла, – улыбнувшись, ответила Лиза. – Вон, опять у Дениски в кровати спит...

Письмо из прошлого

Здравствуйте, Елена Ивановна!

Пишет вам бывший ваш ученик, Павел Соболев, выпуск 89-го. Помните такой? Конечно, помните. Но наверное, хотели бы забыть...

На днях меня разыскали бывшие одноклассники, чтобы позвать на встречу выпускников – тридцатилетие окончания школы как-никак. И мне удалось узнать ваш адрес. Я не уверен, что он правильный, но не теряю надежду, что это письмо рано или поздно вас найдёт.

Я хочу просить вас о прощении, Елена Ивановна. Для меня очень важно, чтобы вы меня вспомнили и простили. Если сможете...

Закрываю глаза и вижу вас, как вчера, такой юной и красивой! "Елена Прекрасная", как мы вас называли за глаза. Вы были так молоды и слишком красивы для учительницы. И наверное, поэтому держались так строго. Чересчур строго со всеми нами, кроме этого очкарика Петровского. Ну почему вашим любимчиком был он? Я ведь был в вас влюблён без памяти. Все наши парни были. А я тогда был тихим и робким. И не умел так читать Лермонтова, как этот выскочка Петровский. Знаете, я ненавидел его лютой ненавистью! И когда второгодник Витька Шуляев подъехал ко мне с той фотографией, я думал только о мести. Мести Петровскому.

Но не вам! Я не представлял, чем это может закончиться для вас!

Знаете, Елена Ивановна, я ведь сразу после того выпускного уехал в Москву, поступать в Университет. И только потом, спустя время, узнал от ребят, чем для вас обернулась наша жестокая шутка. Хотел написать, но испугался...

Сейчас я проклинаяю тот день, когда согласился на эту аферу. Витька сказал, что надо проучить Петровского. Но так, чтобы на нас не подумали. Идея подделать фотку была его, ну а я... я стал исполнителем. Я тогда уже серьёзно занимался фотографией. Мечтал стать фотокорреспондентом "Известий". Вышло так, что никто даже не распознал подделку. Я думал, ребята посмеются над Петровским и на этом всё закончится. А Витька, гад, подбросил фотку директору школы. Я же помню, как директор смотрел на вас. Наверное, так же, как мы все – затаив дыхание и теряя дар речи. По школе ходили слухи, что и он в вас тайно влюблён. А тут вдруг такой компромат, да в самый разгар веселья, на выпускном... Фотография пошла по рукам, все хихикали, прыскали, краснели, а потом она вдруг оказалась у директора. Мне тогда ужасно захотелось отмотать всё назад или исчезнуть вместе с вами. Но я ничего не сделал! А ведь мог бы. Мог сказать, что это всё неправда, мог признаться, что это моя работа. Но я подло молчал, как последний трус.

Не помню точно, что там творилось. Запомнил только ваш взгляд, обращённый к нам, застывшим и онемевшим. Пом-

ню ваши глаза, такие удивлённые и впервые наполненные слезами. И ваши дрожащие губы, едва слышно прошептавшие: "За что?" А потом вы просто молча ушли. И больше я вас никогда не видел. И уже не увижу...

Простите меня, Елена Прекрасная! Это я опозорил вас перед всей школой. Я виноват в том, что вас потом выгнали. Я разрушил вам жизнь... Понимаю, что такого не искупить. Но всё равно молю о прощении! Я был молод, глуп и труслив...

Я получил по заслугам спустя много лет. Нет, сначала судьба меня баловала. Я действительно стал фотожурналистом, объездил полмира и осел в Нью-Йорке. Но за всё в этой жизни надо платить. Недавно я узнал, что неизлечимо болен.

Я никогда не был верующим. Но болезнь заставила меня обратиться к Богу – я нашёл православный приход в нашем городе и долго говорил со священником. Отец Никифор посоветовал попросить прощения у всех, кого я в жизни обидел. Думаю, я обидел многих. И я должен успеть разыскать всех. Наверное, и Петровского тоже...

Ваш бывший ученик и вечный поклонник,
Павел Соболев

Путь к мечте

(из серии

"Калифорнийские этюды")

С океана веял лёгкий солоноватый бриз. Пляж лежал полумесяцем белого песка в обрамлении высоких берегов с растрёпанными ветром кипарисами. Рейчел сбросила туфли и побежала по мягкому рассыпчатому песку к кромке воды. Океан ледяной волной освежил уставшие ноги и девушка помчалась дальше вдоль пенящихся волн, то и дело взметая вокруг себя искры солёных брызг.

Неужели она здесь – в городе её мечты, городе художников и поэтов? После шумного Сан-Франциско, спокойный и уютный Кармел, приютившийся в живописной тихоокеанской бухточке, показался ей маленькой сказочной деревушкой. Но не только сумасшедшие пейзажи манили Рейчел, в этом городке было более сотни художественных галерей! Девушка мечтала побывать в Кармеле с тех пор, как стала всерьёз заниматься живописью.

На высокой набережной, под тенью кипарисов, она заметила художницу, сидевшую спиной к дорожке, так что был прекрасно виден её этюдник. Почти законченный пейзаж был великолепен. Рейчел замерла за спиной у женщины, наблюдая за её работой.

– Не беспокойтесь, вы мне совсем не мешаете, – вдруг услышала Рейчел. – Подойдите поближе.

Женщина приветливо улыбнулась. Она была довольно пожилой: слегка загорелое морщинистое лицо, когда-то, наверное, очень красивое, пышные волосы с проседью, небрежно собранные в пучок, большие живые глаза, словно забывшие о своём возрасте. На плечи художницы была накинута цветастая шаль, органично дополнявшая её удивительный образ. Но подойдя ближе, Рейчел заметила, что женщина сидит в кресле-каталке.

– Вам нравится? – спросила женщина, имея в виду то ли свою картину, то ли великолепный пейзаж.

– Очень! – выдохнула Рейчел, замороженно глядя на картину. – Я тоже учусь рисовать, но пока получается не слишком здорово.

– Это ничего, – с пониманием сказала женщина, – главное, продолжайте. Даже когда вам скажут, что вы достигли идеала – не верьте, его достичь нельзя!

И спросила, таинственно понизив голос:

– А вы знаете главный секрет художника?

– Нет, – удивлённо ответила Рейчел. – Я просто люблю рисовать. Мне это нравится больше, чем другие занятия.

– Правильно! – оживлённо воскликнула художница. – Значит, вы на пороге открытия главного секрета художника: процесс важнее результата!

– Что же получается, результат не важен?

– Важен, конечно. Но процесс всё равно важнее. Если не получать удовольствия от рисования, то зачем тогда вообще рисовать? Понимаете, о чём я?

– Кажется, понимаю, – задумчиво ответила Рейчел.

Похоже, художнице было скучно и хотелось с кем-то поболтать. Рейчел узнала, что зовут её Наталья, что родилась она в далёкой России, что также как Рейчел с раннего детства обожала рисовать и мечтала стать художником. И что в жизни её произошло настоящее чудо: её мечта сбылась. Наталья заинтересовала девушку. Ей хотелось узнать о художнице побольше. Но та неожиданно умолкла и вновь погрузилась в работу. Рейчел поняла, почему: золотой шар солнца медленно опускался к горизонту, окрасив небо во все оттенки багряного. Именно такой пейзаж и писала Наталья.

Девушка тихонько отошла, продолжая наблюдать за работой художницы. Когда солнце полностью утонуло в океане и стали сгущаться сумерки, за Натальей пришла немолодая женщина и увезла её с набережной. Уже издалека художница помахала Рейчел. Весь тот вечер Наталья не выходила у неё из головы.

На следующий день, покидая очередную галерею, Рейчел почти столкнулась с той самой женщиной, что накануне забрала художницу с набережной.

– О, здравствуйте! Как чувствует себя миссис Наталья?

– Спасибо, всё хорошо, – сухо ответила женщина.

– Вы её дочь, родственница? – Рейчел пыталась завязать

разговор.

– Ну что вы! – женщина неожиданно смутилась. – Хотела бы я... Нет, я работаю сиделкой у Мисс Натали Раскофф. Вы хорошо с ней знакомы?

– Мы вчера познакомились. Я тоже художница. У Мисс Натали фантастические пейзажи. Где она выставляется, не подскажете?

Вместо ответа, женщина взяла Рейчел под руку, отвела в сторону и усадила на скамейку.

– Я вижу, вы не местная, – вполголоса начала сиделка. – Мисс Раскофф – не художница. Она наследница очень богатой семьи. Им принадлежит пятизвёздочный отель "Пасифик Инн" и ещё пара роскошных ресторанов в городе. Она управляла всем этим хозяйством последние лет тридцать. Но год назад с Мисс Раскофф произошло большое несчастье. Она попала в аварию и чудом выжила. Теперь она прикована к инвалидному креслу до конца своих дней. Но это не всё. Она стала очень странно себя вести. Во-первых, передала родственникам управление всем своим имуществом. Во-вторых, стала писать картины. И в-третьих, рассказывает всем, что она русская. Не знаю, правда ли это. Но мне кажется, бедняжка того...

Женщина тяжело вздохнула и посмотрела на Рейчел, ища сочувствия. Девушка не могла поверить в только что услышанное.

– Подождите, но её картина вчера – она была великолеп-

на! – воскликнула она. – У неё, несомненно, талант! Она где-нибудь выставляется?

– Ну что вы?! – в страхе ответила сиделка. – Картинами завален весь дом. Но кто же будет их выставлять?... Это несерьёзно.

Рейчел решительно встала и произнесла:

– Дайте мне её адрес, пожалуйста. Я должна её навестить.

В тот же день к вечеру машина Рейчел остановилась возле известной художественной галереи Кармела. На заднем сидении лежало несколько лучших пейзажей кисти Натали Раскофф. Рейчел твёрдо решила, что эти прекрасные картины должна увидеть не только она.

И пусть Наталья открыла для себя главный секрет художника и, возможно, процесс для неё и впрямь был важнее результата. Но когда Рейчел предложила художнице заняться организацией её выставки, где-то в глубине карих глаз Натальи зажёгся огонёк искренней благодарности.

Спасти Кэролайн

(почти детективная история из
серии "Калифорнийские этюды")

Сью лежала в кровати и напряжённо думала. Девочка чувствовала, что должна принять очень важное решение. Важное не только для неё самой, но и для папы, которого любила больше всего на свете. А возможно, ещё и для жизни совершенно незнакомой ей девушки по имени Кэролайн.

Всё началось несколько часов назад. Сью как раз заканчивала делать уроки, когда услышала, как папа говорил по телефону с Мэгги, её приходящей няней. Через минуту папа появился в комнате Сью. Он выглядел озадаченным.

– Я должен срочно ехать в Саммерфилд, а Мэгги заболела.

Папа служил полицейским, он никогда не оставлял дочь одну дома, тем более, на ночь глядя. И хотя Сью уже исполнилось восемь и она считала себя вполне взрослой и самостоятельной, закон есть закон.

– Папочка, – взмолилась Сью, – возьми меня с собой. Ну, пожалуйста! Я буду сидеть тихо-тихо, как мышка.

– Мне нужно опросить важного свидетеля. А тебе придётся остаться в машине.

– Да-да-да! – радостно запрыгала Сью. – Мы едем на расследование!

– Нет, дорогая, – строго сказал папа. – Это я еду на расследование. А ты будешь сидеть в машине, и чтоб никуда ни шагу.

Папа оставил машину на окраине Саммерфилд и направился в сторону роскошного особняка за высокой резной оградой. Сью смотрела в окно на заходящее солнце, розовые облака над кромкой леса и тропинку, которая уходила в чащу. И вдруг на этой тропинке она увидела большую рыжую кошку. Сью приоткрыла дверцу, чтобы позвать кошку. Но та, испугавшись, нырнула в лес. Девочка бросилась за кошкой, забыв о данном отцу обещании. "А если бедная кошечка потерялась и какая-то девочка сейчас её ищет?" – мелькнуло в голове у Сью. Но кошка явно не собиралась возвращаться, она убежала всё дальше, свернув с тропинки в самую чащу. Пока совсем не исчезла из виду.

Сью огляделась. Вокруг темнели сосны, сумерки стремительно накрывали лес. И тут она заметила на дереве шалаш, они как-то строили такой с папой. Только у этого шалаша почему-то не было лестницы. "Интересно, как туда попадают люди?" – озадаченно подумала Сью и стала медленно приближаться к домику на дереве. Вдруг под ногами в траве что-то блеснуло. Сью наклонилась и подняла с земли вещь, которой никак не могло здесь оказаться.

Это был золотой браслет. Очень красивый и наверняка дорогой. На внутренней стороне виднелась надпись: "Кэролайн от папы с любовью". Сью никогда не приходилось держать в

руках такую ценную вещь. Её папа вряд ли сможет купить ей такой браслет. Сю задумалась, как быть. Взять находку себе или оставить? Она была дочкой полицейского и никогда не взяла бы чужое. Но ведь хозяин браслета неизвестен – во-круг никого не было... И в этот момент из домика на дереве донёлся шорох. От испуга девочка сунула находку в карман и помчалась прочь. Она чудом выскочила на тропинку, которая вскоре вывела её из леса.

Уже совсем стемнело, когда Сю вернулась в машину. Она не успела отдышаться, как появился отец вместе с Биллом Райли, его напарником.

– Привет, крошка Сю, – полицейский подмигнул девочке, грузно усаживаясь на переднее сидение. – Ты не возражаешь, если я прокачусь с вами? Нам с твоим папой надо поболтать.

– Конечно, мистер Райли, – ответила Сю с облегчением. Она была рада, что ей не придётся сейчас разговаривать с папой. Надо сначала хорошенько всё обдумать.

– Окей, Фрэнк, – сказал Райли, как только машина тронулась. – Выходит, этот мистер Вудроу, действительно, последний, кто видел девушку. Его показания совпадают с тем, что говорит его дочь?

– Да, его дочь подтвердила, что подруга заезжала, но не застала её дома. Они только поговорили по телефону. И жены Вудроу дома не было. Вот и выходит, что мистер Вудроу – единственный, кто видел девушку вчера вечером.

– М-да... Но как он может быть причастен? Мистер Вудроу – уважаемый состоятельный человек. Ты видел эти хоромы? К тому же, машину пропавшей обнаружили на другом конце города. Похоже, придётся поломать голову над этим делом.

– Да, Билл, но тут есть одно странное обстоятельство, – задумчиво ответил отец. – Я слышал, что этот Вудроу на грани банкротства. И может потерять всё своё состояние, включая этот шикарный особняк. Возможно, это только слухи. Надо как-то проверить. Жаль, времени в обрез – если к 10 утра мы ничего не найдём, отец Кэролайн заплатит выкуп.

Сью замерла на заднем сидении. Кэролайн? Папа произнёс это имя? Ну конечно, Кэролайн Спаркс – вся школа сегодня обсуждала это происшествие. Старшеклассница, дочка банкира, была похищена вчера вечером, за неё требуют выкуп. Перед глазами девочки всплыла надпись на золотом браслете: "Кэролайн от папы с любовью".

И вот, Сью лежала в постели, держа в руках блестящее украшение, и никак не могла решиться. Что, если это браслет той самой Кэролайн? Тогда, признавшись папе, она сможет помочь. А если просто совпадение? Что подумает о ней папа? Будет ругать, перестанет любить? Зачем она взяла чужой браслет?! Нет, всё-таки надо рассказать обо всём папе. Сейчас она соберётся с духом, встанет и спустится к нему в кабинет. Но вместо этого, девочка не заметила, как от усталости провалилась в сон.

Отец зашёл к Сью в комнату погасить ночник. Он поцеловал спящую дочку и поправил ей одеяло. Вдруг на пол скатился какой-то блестящий предмет. Отец поднял его с удивлением.

– Сью, детка, проснись! Проснись скорее! – голос отца пробился сквозь туман сна. – Откуда у тебя этот браслет?

– Браслет?! – сон мгновенно рассеялся и Сью села в кровати. – Я нашла его в лесу... где мы сегодня были. Я побежала за кошечкой.. а там домик на дереве... и я... взяла его... Папочка, прости! Я поступила очень плохо! Я хотела тебе рассказать, но уснула!

И девочка разрыдалась. Однако, папа совсем не выглядел рассерженным. Он ласково прижал дочь к себе, вытер ей слёзы и спокойно сказал:

– Так, детка, давай-ка одевайся. Покажешь, где ты его нашла.

На следующее утро, за завтраком, в программе новостей Сью услышала: "В результате работы полицейских прошлой ночью обнаружена Кэролайн Спаркс, похищенная накануне неизвестными с целью выкупа. Девушка жива, чувствует себя нормально. Личность преступников устанавливается".

"Всё-таки правильно, что я взяла тот браслет! – подумала Сью. – Кэролайн спасли, а папе наверняка дадут медаль за отличную службу. А ещё мистер Спаркс обещал вознаграждение и тогда папа точно купит мне такой же золотой браслетик!"

Всё ещё будет...

В тот вечер Лариса возвращалась с работы поздно. Ещё в магазин зашла, набрала полную сумку. Периодически пыталась дозвониться Женьке, чтоб встретил, но его телефон упорно был вне зоны доступа.

Свернула во двор, когда уже стемнело, пошла по тропинке между пятиэтажками. Парней было двое. Наверное, следили от магазина. Один сбил Ларису с ног, другой попытался сдёрнуть висевшую на плече сумку. Она не успела их рассмотреть – очки отлетели в сторону. Лариса вцепилась обеими руками в сумку и неожиданно для самой себя заорала что есть мочи: "Ааа, пожааар!" Вдруг всплыло, что именно так надо кричать, чтобы привлечь народ. Подростки отпрянули и тут же растворились в темноте двора.

Сидя на земле, она всё ещё продолжала кричать, но голос её слабел с каждой секундой. Двор был пуст и безмолвен. Ни одно окно не распахнулось, ни одна дверь не скрипнула. Никто не кинулся девушке на помощь. И тогда Ларисе стало страшно.

"Они сейчас вернутся!" – мелькнуло в голове. С трудом нашарив в пыли разбитые очки, Лариса подобрала сумки и рванула к подъезду. Взлетела по лестнице на второй этаж, с трудом нашла в потёмках дверной замок, ввалилась в квартиру, захлопнула дверь. Тихо сползла на пол и зарыдала. Же-

ни дома не было. Ну почему именно сегодня, когда он был ей так нужен, он неизвестно где. Опять выпивает с друзьями-художниками?

Они жили вместе почти год, сняли дешёвенькую квартиру в хрущёвке на окраине Новогиреево, чтобы не стеснять родителей. Пока не расписывались, у Жени за плечами был неудачный брак и пятилетний сын, которого воспитывали родители покойной жены.

А Лариса мечтала о своём семейном гнёздышке, втайне хотела ребёнка, как могла, создавала маленький уютный мир. И не важно, что у Жени нет пока работы, а она вкалывает за двоих. Он – молодой талантливый художник. Времена трудные, работу найти нелегко, если ты не готов торговать или не владеешь английским, как Лариса. Ну кому нужны картины, когда в стране развал? Хорошо, что ей повезло с работой и зарплаты пока хватает. Всё постепенно наладится.

Но со временем Лариса стала замечать, что Женю всё и так устраивает. Он не особенно стремился что-то менять в своей жизни. Мог днями валяться на диване в ожидании вдохновения. Подолгу нежился в постели. Допоздна засиживался вечерами с другом на тесной кухне, за бутылкой вина обсуждая планы по созданию своей студии. Но дальше разговоров дело не шло. Лариса не вмешивалась, деликатно молчала, надеялась. Но потом пустые разговоры "о бизнесе" стали её раздражать. Из-за поздних гостей она не высыпалась, на работе клонило в сон. Она попросила Женю не приводить

друзей так часто. После этого он стал пропадать сам, приходил поздно, пах алкоголем, а она ждала и не могла уснуть, пока его нет дома.

И сегодня она коротала вечер в одиночестве. Пыталась отогреться в ванной, с ожесточением оттирая мочалкой прилипший страх. Даже налила себе рюмку коньяку. Женин номер по-прежнему не отвечал. Позвонила Ленке, поплакалась, рассказала о нападении.

– Лара, кошмар! – отозвалась подруга. – Ты там запрись, никуда не высовывайся. Подростки нынче совсем распоясались, а всё потому, что милиция никого не ловит и не сажает! Жаловаться бесполезно. Эх, ну что за времена настали?..

– Вот и я беспокоюсь, Лен. Вдруг с Женькой что-то случилось? Почему телефон не отвечает?

– Ой, никуда твой Женька не денется! Ты о себе лучше подумай. Стоит ли он твоих нервов?

– Знаешь, Лен, я всё же обзвоню его друзей. На всякий случай.

– Ну, как знаешь! – Ленка никогда не одобряла выбор подруги.

Обзвон друзей занял ещё пару часов, но ничего не дал. Никто Женю не видел, ничего не знает. Было за полночь. Из-за происшествия и неизвестности, Ларисе стало совсем тревожно. Она чувствовала, что Женя не просто задерживается. Что-то случилось. Дрожащей рукой она набрала номер скорой.

– Девушка, скажите, а как узнать, не поступал ли к вам молодой человек, лет 25-ти, высокий, волосы тёмные...

– Ждите, – диспетчер прервала её на полуслове. – За последние сутки поступили трое мужчин, так... возраст 43, 50 и 72. Вашего нет.

– Слава Богу! Спасибо вам...

– В морг звонили? – равнодушно поинтересовалась диспетчер. К счастью, в морге тоже не нашлось никого, похожего на её Женю.

Под утро она задремала. Разбудил звонок Лидии Семёновны – Жениной мамы.

– Лара, доброе утро. Позови, пожалуйста, Женечку к телефону, его не отвечает.

– А я надеялась, что он у вас, – выдохнула Лариса, – он не ночевал сегодня дома.

– Странно, – процедила Лидия Семёновна. – Но если учесть вашу вчерашнюю ссору... Мальчик мог и обидеться.

– Ссору? Да что вы такое говорите? Мы не ссорились! – Лариса была очень удивлена. И тут вспомнила, что накануне утром, опаздывая на работу, раздражённо бросила Женю, растянувшегося в постели: "Когда ты уже, наконец, займёшься делом, как нормальный мужик?" Так из-за этого он не пришёл домой?! Заставил её нервничать, не спать ночь, обзванивать морги. Неужели, они не могли просто поговорить?..

Женя не появился ни в тот день, ни на следующий. Ве-

чером приезжали подружки, утешали-жалели-подбадривали. Глаза уже просохли от слёз, но тревога не отпускала. Лариса не могла поверить, что её любимый мог так жестоко с ней поступить. До тех пор, пока его лучший друг Димка не раскололся, что у Жени новая девушка, где-то в Черёмушках...

На другое утро Лариса собрала вещи, оставила на столе ключи, и вышла из квартиры, решительно захлопнув за собой дверь. На улице она с тоскою обернулась на окна дома, где мечтала стать счастливой. И быстро зашагала к метро.

Лариса понимала, что назад пути нет. Никогда уже не будет, как раньше. Никогда в её жизни больше не будет Жени. Но по-другому она поступить не могла. Тогда она предала бы себя. Свою собственную счастливую мечту. Ей вдруг стало очень спокойно, боль утихала. Из дома напротив доносилась мелодия когда-то популярной песни: "А знаешь, всё ещё будет!".

Однажды в лифте

(из серии "Миниатюры")

Случилось это в прошлое воскресенье. Димка ждал лифта на площадке своего 15-го этажа. Ему не терпелось выйти во двор – погонять с Мишкой мяч, но тут как раз мама послала за хлебом.

Наконец, двери лифта открылись. Димка рванул вперёд, но вдруг заметил незнакомого пожилого мужчину и замер в нерешительности.

– Ну, парень, чего ждёшь? – добродушно сказал мужчина. – Заходи уже, а то дверь закроется.

И Димка шагнул в кабину. Там он вжался в стену и стал внимательно изучать пол. Ничего интересного на полу, конечно, не было. Просто Димка опасался ездить в лифте с незнакомыми дядьками. На всякий случай он нащупал в кармане куртки мобильник, но доставать не стал. Вдруг отнимет? Что он так смотрит?

Дядька, действительно, с интересом рассматривал Димку. И как будто ухмылялся в седоватые усы. В руках он держал надутый потёртый портфель. Димке вспомнилось редкое слово "саквояж". Что оно означало, Димка точно не знал. Но этому портфелю очень подходило. Интересно, что там?

И вдруг где-то в районе пятого этажа лифт неожидан-

но вздрогнул и остановился. Наступила звенящая тишина. Димка растерянно уставился на дядьку, а тот – на Димку.

– Неужели, застряли? – с удивлением произнёс мужчина и стал нажимать кнопки, пока динамик не заскрипел женским голосом:

– Диспетчерская слушает.

– Мы застряли! – хором выпалили оба. И невольно улыбнулись. В динамике что-то зашуршало и тот же противный голос безразлично произнёс:

– Бригада на участке. Ждите.

– Так сколько же нам ждать? – спросил мужчина, но динамик уже умолк.

Димку этот вопрос тоже очень волновал. Теперь футбол точно накрылся! Зато Димка с удивлением обнаружил, что страха перед незнакомцем у него больше нет. Голос у дядьки был добрым, да и вёл он себя совсем не подозрительно.

– Ну что ж, – со вздохом произнёс мужчина, – делать нечего, будем ждать.

Он протянул Димке руку:

– Давай знакомиться? Василий Палыч.

– Дима, – мальчик пожал его руку – большую, горячую и крепкую. Василий Палыч поставил на пол свой чемоданчик, присел на него и вздохнул.

– Вот знаешь, Дима, – сказал он задумчиво, – я иногда думаю, что наша жизнь, в сущности, как этот лифт.

Димка терпеливо ждал объяснения. Что общего у жизни

с лифтом, он совсем не знал.

– Ну, сам посуди, – продолжал Василий Палыч, глядя куда-то мимо Димки, – вот ты сел в лифт и едешь. Вверх ли, вниз – у всех по-разному. И вроде знаешь, куда тебе надо. Люди входят и выходят, спешат куда-то. Все поначалу спешат...

"А всё-таки странный он, – подумалось Димке. – Наверное, писатель какой-нибудь." Димка тоже спешил. Он вынул телефон и взглянул на время – прошло уже целых пятнадцать минут!

– А бывает и так, – задумчиво рассуждал Василий Палыч, – тебе кажется, будто ты едешь, движешься, годы мелькают, как этажи, а потом вдруг глядь – а ты застрял. И этаж не твой. Висишь себе в неопределённости...

"Ага, и на футбол опаздываешь!" – подумал Димка и снова взглянул на часы. Тут Василий Палыч очнулся от своих мыслей и, прищурившись, внимательно посмотрел на мальчика.

– Вот ты, Дима, куда торопишься? Небось, с друзьями в футбол играть?

– Откуда вы... – Димка задохнулся от удивления, – знаете?

– Я, Дима, очень давно в этом лифте еду, – грустно ответил мужчина.

– Вы, наверное, писатель?

– Ну что ты! – рассмеялся Василий Палыч. – Разве пи-

сательством на жизнь заработаешь? Я – сантехник, вот мои инструменты.

Он похлопал широкой ладонью по своему “саквоюжу”. И в этот момент двери лифта открылись.

Подарок

В ту ночь ей приснился странный сон. Будто стоит она на вершине высокой горы. Такой высокой, что облака проплывают где-то далеко внизу, а над головой – только небо. Но и небо не наше, не земное, а переливается оно всеми цветами радуги, аж в глазах рябит. Ветер полощет подол её длинной ночной рубахи и треплет распущенные седые волосы. Она стоит босая на голой скале, но не чувствует ничего – ни холода, ни жара.

И вдруг откуда-то сверху она слышит голос, низкий и мощный, поглощающий всё вокруг.

– Алевтина, ты умерла, – спокойно говорит голос.

– Умерла? – эхом переспрашивает женщина.

– Да, твой час настал. Но... – голос делает выжидательную паузу. – Поскольку ты прожила свою жизнь честно и по совести, никогда не сделала никому худого, ты заслужила подарок.

– Подарок? – всё тем же тихим эхом повторяет Алевтина.

– Да! Ты можешь вернуться в любой момент жизни и с этого мгновения прожить её ещё раз.

Голос опять делает длинную паузу. Алевтина терпеливо ждёт. В наступившей тишине слышен лишь свист ветра.

– Только есть одно условие, – вновь гремит голос. – Ты не сможешь ничего изменить. Всё пойдёт ровно так, как было.

– Но я всё забыла, – шепчет старушка, – совсем ничего не помню...

– Это поправимо. Сейчас ты вспомнишь всё и выберешь, куда вернуться.

Алевтина смотрит вниз – а вместо горы под ней крыша очень высокого дома. И вот она в лифте, а в нём ровно семьдесят две кнопки, по числу прожитых ею лет. Дрожащей рукой она осторожно проводит по кнопкам, словно пересчитывая их узловатыми пальцами, и останавливается на третьей. Лифт срывается вниз, старушка ахает и от страха зажимуривается. Но вот лифт замирает, и она открывает глаза.

Перед ней железнодорожная платформа, тающие в дымке пути, линии электропередач, лесенки переходов, дощатая ограда и надпись "Северянин". По перрону идёт высокий широкоплечий мужчина лет сорока, в синей форме железнодорожника, в начищенных до блеска сапогах, в фуражке с зелёным кантом и красной звездой.

– Папа? – едва слышно выдыхает Алевтина, опасаясь спугнуть видение.

Навстречу мужчине по платформе бежит белокурая девушка лет двух-трёх, одетая в скромное платьице голубого цвета. Лицо мужчины озаряет улыбка, он подхватывает девочку на руки, кружит, подбрасывает вверх! Дочка крепко обнимает его за шею... Папа!

– Вспоминаешь своё детство? – Алевтина вздрагивает от вновь раздавшегося голоса. – Хочешь вернуться туда?

– Нет, этого я не помню. Маленькая совсем была. Помню папу в гробу, его сбило дрезиной на работе. Мама рассказывала, что начальство на той дрезине ехало. Папу и ещё одного работника пути насмерть задавило. Не знаю, что там случилось на самом деле... Мама осталась одна с четырьмя детьми. Хорошо, что из казённой квартиры не выселили. Папины друзья хлопотали, самому товарищу Сталину письмо писали. Это было в феврале сорок первого. А потом война началась...

Алевтина тяжело вздыхает, смахивает навёрнувшуюся слезу.

– Не было у меня счастливого детства, в которое хочется вернуться. Ну, какое было. Старшему брату, Фёдору, уже шестнадцать исполнилось, когда немец к Москве подошёл. Помню, сварила мама яйцо. А мне так голодно! Прошу у неё яичко, плачу, а она говорит: "Нет, не могу тебе его дать – братику твоему надо идти Родину защищать, в дорогу его собираю." Только мал он ещё был воевать-то, траншеи копал под Москвой, живой вернулся.

Мама тогда на станции работала диктором. Голос у неё был звучный, и читала хорошо, грамотная была. Часто по две-три смены работала. Я её почти не видела. Помню, как сестра моя старшая, Танечка, на трамвае меня катала. Окончила курсы вагоновожатых, а было-то ей всего четырнадцать. Правда, выглядела она старше – серьёзная такая была, видная, с характером. А средняя сестричка, Милочка, больше

всех со мной нянчилась. Бывало, придёт после смены с завода, усталая, и нет бы спать – со мной играет, рисовать меня учила, вязать, шить...

– Ну что ж, – вновь гремит голос над головой, – раз в детство возвращаться не желаешь, поехали дальше.

И не дав Алевтине опомниться, взмывает лифт на двадцатый этаж. Видит Алевтина: парк Горького, деревья в цвету, только что открытое колесо обозрения и она с подружками бежит смотреть на диковинку. На ней лёгкое ситцевое платье в мелкий цветочек, туго затянутое на тонкой талии, рукава-фонарики и летящая юбка. Пышные русые волосы аккуратно уложены, открывая миловидное лицо с чуть вздёрнутым носиком.

– Это твоя юность, Алевтина. Посмотри, какая ты молодая и красивая! Хочешь туда?

– Да, я была очень хороша собой, – Алевтина застенчиво опускает веки. – Сама шила платья. Мечтала стать модельером. Но не вышло. Не поступила я в Текстильный институт после школы. Пошла фотопечатницей, Танечка меня устроила в "Фотохронику ТАСС". Тяжёлая была работа – весь день в темноте, при красной лампе, с химикатами и реактивами, ноги в резиновых сапогах. Кожу на руках тогда себе испортила. Какой тут модельер! Выкинула я свою мечту из головы и поступила в полиграфический.

Многие парни на меня заглядывались. Но я ни с кем не встречалась. Мама строгая была, не пускала. Фёдор, старший

брат, женился на девушке из далёкой деревни, привёз её к нам в Москву. Но жили они очень плохо. Часто ссорились, ругались до полночи. Федя пить стал, буянить. Помню, я в кладовке пряталась, к экзаменам готовилась. Мечтала поскорее уехать из дому, но маму оставлять не хотела. Старшие-то сёстры замуж повыходили и жили все отдельно. А я даже подружек домой позвать не могла, такая была обстановка. Нет, не хочу я в то время возвращаться, вспоминать даже тяжело...

И вновь мчится лифт вверх – к двадцать восьмому этажу. Почему рука это число выбрала, Алевтина сама не знает. И видит она: аэропорт под палящим южным солнцем, надписи на арабской вязи, одни мужчины кругом, все чернявые – в тюрбанах и шароварах, женщин совсем не видно, одна-две паранджи промелькнуло. И стоит посреди всего этого Востока стройная девушка в бледно-голубом элегантном платье, ладно скроенном точно по фигуре. Светло-русые волосы уложены в высокую причёску, рядом с ней – большой чемодан. Она явно растеряна и кого-то ждёт, с надеждой озираясь по сторонам. Но вот к ней подходит молодой человек европейской внешности в строгом костюме и белой рубашке.

– Простите, пожалуйста, – обращается он к девушке по-русски. – Я вижу, вы прилетели из Советского Союза? Вас должны встречать?

– Да, – смущённо отвечает девушка. – Я прилетела к мужу, он должен был меня встретить, но его почему-то нет...

Может, вы его знаете – Арсений Кравченко, переводчик?

– Ну конечно! – радостно восклицает молодой человек. – Его здесь все знают, он вас третий месяц встречает, к каждому рейсу из Союза приезжает. Странно, что сегодня его нет... Давайте мы вот как поступим. Вы тут подождите немного, я свою делегацию отправлю и отвезу вас в советскую колонию. Мне как раз туда.

Алевтина ахает и прикрывает рот рукой:

– Это же я в Кабул прилетела, к Сенечке! Он там на практике после иныза переводчиком работал. Только поженились и вскоре ему уехать пришлось. А я целый год ждала документов. И ещё три месяца – вылета. Самолёт в Кабул летал всего раз в неделю, записали меня в очередь и велели ждать. С мужем связи не было, письма ходили долго. Вот он и приехал в аэропорт к каждому рейсу, боялся пропустить. А в тот день, когда я всё-таки прилетела, его в другой город в командировку отправили. Такое совпадение! Он товарища попросил в аэропорт съездить, а тот забыл!

Алевтина счастливо улыбается, вспоминая подробности давних событий. Но тут снова доносится бесстрастный голос:

– Ну вот, дождалась ты своего "принца". И увёз он тебя в другую страну. И жизнь твоя полностью изменилась. Всё, как ты хотела?

– Да, это было настоящее чудо. Но и без трудностей не обошлось – не хотели меня к нему выпускать. Хотя это ещё

до афганской войны было и местное население хорошо к русским относилось. Мы тогда очень им помогали, аэропорт этот самый построили, газопровод, заводы. Но друзья и родные меня сумасшедшей считали, отговаривали в арабскую страну лететь. А я к мужу рвалась, как декабристка!

Быт в советской колонии был очень скромный – общежитский, почти студенческий. Одна кухня на этаж. Но жили дружно, помогали друг другу. А как же иначе? Днём жара, 40 градусов в тени, а ночью скорпионы по земле ползали и шакалы за оградой выли, жутко, словно дети плакали. Но зато мы были вместе! Я с мужем и в командировки по пустыне ездила. Смелая была. Потом прекратила, правда, когда узнала, что ребёнок у нас будет. Да, наверное, это было самое счастливое время в моей жизни. Особенно когда дочка родилась.

– Алевтина, ну что же ты медлишь? – вновь вмешивается голос. – Возвращайся в свою молодость!

– А зачем? Счастье длилось недолго... – Алевтина опустила глаза. – Когда Машеньке восемь месяцев исполнилось, нас в Москву отправили. А Сеня в Кабуле один остался. До меня доходили слухи, через знакомых, которые возвращались, что к нему там одна переводчица прилипла... Я не хотела верить. Думала, люди завистливые, понапрасну говорят. А потом Арсений вернулся – чужой какой-то, сам не свой. Но я ни о чём не расспрашивала. Только тихо в подушку плакала и надеялась. Так и не знаю, что там было правдой, что нет, но нас он не бросил. Порядочный человек был, принци-

пиальный.

Алевтина опять вздыхает задумавшись.

– А потом у нас вторая дочка родилась, Юленька. И всё наладилось. Можно сказать, она нашу семью спасла...

– На какой этаж дальше едем, Алевтина? – гудит голос.

– Даже не знаю. Много было всякого в жизни. Плохого и хорошего. Больше хорошего, наверное. И по миру поездить пришлось, и на родину вернуться. Узнать, что такое помощь бескорыстная и что такое зависть людская. Всю жизнь мне знакомые завидовали. Почему-то думали, что я в большом достатке жила, раз "по заграницам ездила". А мы концы с концами едва сводили, бывало. Но не унывали никогда – на последний рубль шли в кино!

Наверное, я просто скромная была. Никому про свои беды-горести не рассказывала, не делилась. Как не спросят, у меня всё лучше всех! А так оно и было. Ведь мы были вместе, и доченьки с нами, а мне большего счастья и не надо.

Арсений сначала сына очень хотел. В честь отца-партизана Михаилом назвать думал. А родились две девочки. Зато, как дочки подросли и девушками стали, загордился! Встанет, бывало, между ними, возьмёт под руки и говорит: "Смотри мать, какие дочери у меня красавицы!".

Алевтина счастливо улыбается, вытирает наворачнувшуюся слезу. Голос молчит.

– Мне тогда казалось, это счастье навсегда, – продолжает Алевтина. – Но жизнь такая короткая. Арсений, как на

пенсию вышел, сразу сильно сдал. Он же весь мир по работе объехал. Несколько языков знал. А как стал не нужен, буд-то пружина в нём лопнула – два инсульта подряд, ноги отказали. Врачам показывались, да что толку? Ничего уже было не сделать... Когда слёг, я за ним ходила. От горя все глаза выплакала, почти ослепла. А когда похоронила его, думала, жить не смогу дальше. Единственный он у меня был, ни на кого другого даже никогда и не взглянула. Почему жизнь моя тогда не оборвалась?

Горькие слёзы текут по морщинистым щекам Алевтины, меж бровей видна глубокая складка, губы дрожат.

– А ещё через год младшей доченьки моей не стало. Так рано она ушла, тридцать девять лет всего ей было, сынишка шестилетний остался. А я всё позабыла... За что, Господи? – шепчет она куда-то вверх, подняв руки к сияющему небу. Но нет ответа. Только ветер свистит над голой скалой и треплет подол её ночной рубахи.

– Вот я всё и вспомнила, спасибо за подарок, – Алевтина роняет руки. – Я прожила хорошую жизнь, но возвращаться в неё не хочу.

И она закрывает глаза...

– Мамочка, доброе утро! Пора вставать! – в комнату к старушке вошла женщина средних лет и распахнула тяжёлые занавески, впустив яркое утреннее солнце. – Будем умываться-одеваться. Сегодня отличная погода, позавтракаем на террасе.

Она бережно умыла и одела немощную пожилую женщину, взяла под руку и осторожно вывела на террасу, к накрытому столу. Там она усадила старушку в кресло с мягкими подушками, укутала ноги пледом и стала кормить с ложечки. Алевтина блаженно щурилась тёплым утренним лучам и медленно ела. Она не помнила больше ничего из своей жизни.